

Виктор Алеветдинов

КРОВЬ НЕФРИТОВОГО КНЯЗЯ

Печати Небесной крови

Книга 2

Историко-мистический боевик

18+

Виктор Алеветдинов
Кровь Нефритового
князя. Печати Небесной
крови. Книга 2
Серия «Печати Небесной
крови», книга 2

*<https://litres.ru/74074721>
SelfPub; 2026*

Аннотация

1651 год. Наследник Нефритового князя ещё жив, а приговор Глебу Воронцу за его убийство уже ждёт даты исполнения.

Русское посольство прибывает в Северную столицу, где каждая запись может стать законом, а кровь — доказательством власти. Во время закрытого приёма наследник падает за нефритовой ширмой. Все улики ведут к чужакам и к технике уничтоженного клана Ли.

Глебу отводят роль удобного убийцы. Ли Шэньюэ должна расследовать преступление, совершённое почерком её семьи. Но чем ближе они подходят к разгадке, тем опаснее правда: во дворце можно изготовить родословную, переписать память и

подготовить нового наследника из ребёнка, которому не оставили права отказаться.

Чтобы остановить переворот, Глебу и Ли придётся сражаться не только с убийцами и военными домами, но и с законом, который уже решил, кто виновен и чья кровь достойна трона.

Содержание

Часть 1. Убийство за нефритовой ширмой	5
Глава 1. Письмо на чужой крови	5
Глава 2. Чужак по списку	16
Глава 3. Врата, помнящие кровь	28
Глава 4. Засада у восточной стены	39
Глава 5. Цена прохода	51
Глава 6. Нефритовый обоз	63
Глава 7. Приём за нефритовой ширмой	76
Глава 8. Человек для казни	87
Часть 2. Двор, где все говорят правду	99
Глава 9. Три дня до плахи	99
Глава 10. Правдивый допрос	111
Глава 11. След слуги	123
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Виктор Алеветдинов

Кровь Нефритового князя

Часть 1. Убийство за нефритовой ширмой

Глава 1. Письмо на чужой крови

Когда писарь провёл кистью по дорожной грамоте, во дворе заржала серая кобыла. Лошадь упёрлась грудью в открытые ворота и не могла сделать следующий шаг. Конюх тянул повод, но животное лишь скребло копытом утоптанную землю.

— Не бей её, — сказала Ли Шэньюэ. — Исправьте число в грамоте.

Писарь посмотрел на строку. Он записал семь лошадей вместо восьми, и печать заставы сразу приняла запись как условие прохода. Седьмая лошадь пересекла порог. Восьмая для дороги больше не считалась частью обоза.

— Чернила уже приняты, — сказал писарь. — Нужен новый лист.

— Тогда кобыла останется в воротах до вечера. Перед за-

крытием начальнику придётся решить, что важнее: устав или створки.

— Для государственной службы лошадь подходит, — заметил Савва Кривич. — Задержала посольство без единого приказа.

Начальник заставы Вэй Цун не улыбнулся. Он сидел за широким столом в меховой шапке, хотя две жаровни прогрели приказную избу так, что на окне выступила влага.

— Исправьте число, — велел он писарю.

Кисть добавила короткую черту. Во дворе кобыла сразу переступила порог и толкнула конюха плечом.

Ли смотрела не на неё, а на дорожный футляр, лежавший перед Вэй Цуном. Внутри находилось свидетельство о повреждении северной печати и последняя независимая копия списка девяти узлов. Один список сгорел на границе. Второй забрали люди, назвавшиеся служителями Небесной канцелярии.

Крышка футляра была закрыта. Шнур оставался целым, восковая бирка не треснула.

— Оригинал останется здесь до ответа из столицы, — сказал Вэй Цун.

— Нет.

— Тогда обоз останется здесь.

Писарь развернул местный реестр. Возле имени Ли уже стояла красная отметка: «родовая проверка не завершена».

— Подтвердите право клана, и я пропущу вас, — сказал

начальник.

Раньше Ли положила бы на стол родовой обломок. Нефрит признал бы её кровь, а реестр получил подтверждение. Обломок остался на северном узле. Без него её имя считалось верным, но право говорить от имени клана не признавалось. Вэй Цун знал об этом.

Глеб стоял у двери и слушал перевод Саввы. Он не понимал чиновничьего языка, зато сразу заметил, когда караульные взялись за древки копий.

— Спроси, получил ли он приказ задержать нас, — сказал Глеб.

— Я получил приказ соблюдать порядок, — ответил Вэй Цун.

— Это разные ответы, — сказала Ли.

Она взяла футляр. На внутреннем крае медной скобы виднелся серый след. Ли достала нефритовую пластину и провела иглой по большому пальцу.

— Без крови, — потребовал Вэй Цун.

— Тогда вы увидите только дерево.

Капля легла на скобу. Медь потемнела, и на крышке проступили три короткие линии. Первая удерживала шнур. Вторая запрещала ломать бирку. Третья признавала руку того, чью кровь когда-либо принимал клан Ли.

Третья линия была открыта. Футляр не взламывали. Его открыл человек, которого родовая печать сочла допущенным. Ли прикрыла рисунок ладонью.

— Что вы увидели? — спросил Вэй Цун.

— Замок исправен.

— Это было видно и без крови.

— Мы оба не зря потратили время.

Глеб сказал что-то по-русски. Савва вздохнул.

— Господин Воронец заметил, что довольных здесь уже двое. Для такой избы это опасная теснота.

Ли сняла шнур. Внутри лежали свёрнутые листы и дощечка, защищавшая их от гниения. Свидетельство находилось на месте, но нижний край бумаги был влажным и пах рисовым клеем.

— Лист вынимали, — сказала она. — Приклеивали к другой бумаге лицевой стороной вниз, потом сняли паром.

На обороте остались светлые пятна. Через них копировали расположение строк.

— Футляр был при вас, — сказал Вэй Цун.

— Ночью он лежал в запертой повозке. Возле неё стояли ваши караульные.

— Имена караульных, — потребовал Глеб.

Вэй Цун подал знак писарю. Тот потянулся к журналу, но не успел. Со двора донёсся удар, а затем конюх закричал:

— Человек у водостока!

Караульные выбежали первыми. Ли свернула свидетельство и передала футляр Савве.

— Не выпускай из рук.

— Даже если попросят вежливо?

— Тогда держи крепче.

Мёртвый лежал за навесом между бочкой и стеной ко-нюшни. На нём была куртка дворцового курьера. Ладони он прижал к груди, на пальцах блестела зелёная пыль.

Глеб встал рядом, закрывая Ли от собравшихся людей. За прошедшие месяцы он научился ждать, пока она закончит проверку, хотя терпение по-прежнему давалось ему труднее, чем драка.

Ли коснулась пыли краем пластины. Крупинки собрались в короткую черту.

— Нефрит, — сказал Савва.

— Вставка от замка. Он долго тёр её пальцами.

На запястье курьера осталась полоса от шнура. Сумки при нём не было. Ли разжала его ладонь и вынула из-под ногтя клочок красной бумаги. Вэй Цун подошёл к ним.

— Отойдите от тела.

Савва присел и приложил пальцы к шее мёртвого. Пульса не было.

— Теперь поздно. Я уже лекарь.

— Когда он умер?

— Недавно. Точнее скажу после осмотра, если вы перестанете ему мешать.

Писарь принёс деревянную табличку с именем погибшего. Края знаков ещё светлели.

— Дворцовый гонец Хоу Пин, — прочёл начальник. — Прибыл ночью с приглашением для посольства.

— Почему нам не сообщили? — Степан Рошин пробился через караульных.

— Гонец не явился к утренней перекличке, — ответил Вэй Цун. — Его искали.

— Пока вы требовали наши бумаги, он лежал в вашем дворе.

Ли осмотрела красный клочок. На нём сохранилась часть чёрной окружности.

— Орден Чёрного Неба, — сказал писарь.

— Где вы видели его знак? — спросила Ли.

Писарь замялся. Вэй Цун ответил за него:

— Слухи пришли с севера. Чёрный круг, убийства гонцов, кража государственных бумаг.

Ли перевернула клочок. Красная бумага была плотной, с шёлковым волокном. Чёрная дуга оказалась краем знака «долголетие».

— Тайные убийцы оставили на жертве дворцовое пожелание долгой жизни, — сказала она. — Смелое решение.

— И бережливое, — добавил Савва. — Отрезали от приглашения, чтобы не покупать свою бумагу.

Вэй Цун велел очистить двор. Боро Чулуу осталась возле конюшни, будто приказ относился только к людям, которые боялись караульных.

— Причину смерти установит гарнизонный лекарь, — сказал начальник.

— Пусть установит, — ответила Ли. — А вы внесите в

журнал, что гонца нашли после требования передать вам оригинал. Запишите и нефритовую пыль.

— Вы мне угрожаете?

— Даю вам точную формулировку. Неточная может обойтись дороже.

Вэй Цун долго смотрел на неё, затем велел писарю открыть журнал. Кисть у того дрожала, и первый знак пришлось переписать.

Тело перенесли в кладовую. Ли вернулась в приказную избу. Савва держал футляр под мышкой и не садился.

— Отдай, — сказала она.

— Ты велела не выпускать из рук.

— Я отзываю приказ.

— Хороший договор. Даже согласие можно вернуть владельцу.

— Что было на руках? — спросил Глеб.

— Нефрит. Гонец открывал замок.

— Наш?

Ли могла рассказать о третьей линии. Глеб сразу проверил бы караул и повозку, а потом полез туда, где ошибка пахла ловушкой. Она решила сначала понять, чья кровь получила доступ.

— Футляр не сломан, — сказала Ли. — Бумагу вынули и скопировали.

— Ты сейчас ответила не на мой вопрос, — сказал Глеб, посмотрев на скобы.

— На тот, для которого есть доказательство.

Он задержал взгляд на её лице, но спорить не стал. Отошёл от двери и встал за её плечом. Ли поняла, что умолчание он заметил.

Она разложила на столе два чистых листа. Один дал заставный писарь, второй Савва вырвал из русской дорожной книги.

— Сделаем две копии. Разные чернила и разные свидетели.

— Я не разрешал копировать государственное свидетельство, — сказал Вэй Цун.

— Оно ещё не государственное. Поэтому вы и хотите оставить оригинал.

Ли переписала список девяти узлов и состояние каждого. Вэй Цун поставил печать заставы на отдельной полосе, подтверждая лишь место и время изготовления.

Писарь прочёл первую строку вслух. Печать на полосе дрогнула и оставила на столе красный отблеск: место признало, что текст создан при свидетелях. Оно не подтверждало правоту Ли, но теперь лист нельзя было объявить составленным позднее. Вэй Цун заметил это и прижал рукавом край полосы.

— Вы умеете пользоваться малым разрешением шире, чем следует.

— Разрешение либо действует, либо нет. Ширину ему придумал тот, кто боится результата.

Вторую копию Савва писал по-русски под её диктовку. Рошин поставил подпись. Боро прижала к краю листа большой палец, испачканный сажей.

— Это не принятая форма свидетельства, — сказал Вэй Цун, глядя на отпечаток.

— Палец принят, — сказал Савва. — Я проверял.

— Есть ещё один. — Боро показала второй палец. — Но он занят ножом.

Глеб усмехнулся. Ли сложила первую копию в рукав, вторую протянула Савве.

— Спрячь отдельно от наших вещей.

— Куда?

— Если скажешь, место перестанет быть отдельным.

Писарь принёс красный конверт, найденный в комнате курьера. Печать на клапане была сорвана, но приглашение сохранилось.

— На вечерний приём в доме Нефритового князя, — прочёл Вэй Цун. — Посольству разрешён проход по имперскому тракту. Груз и сопровождающие включены.

— Значит, задерживать нас нельзя, — сказал Рошин.

— После сверки имён.

Ли взяла приглашение. По краю бумаги шла нефритовая нить. Она связывала документ с маршрутом: заставы открывали ворота, сменные дворы выдавали лошадей, местный начальник не мог удержать обоз без письменной причины.

Ли коснулась нити ногтем. Та нагрелась, и на бумаге про-

ступили скрытые строки. Имя Рощина стояло первым. Ниже шли Савва, Боро и Глеб. Её имя находилось возле знака родового допуска.

— Моё есть? — спросил Глеб.

— Есть. — Савва показал строку. — Только писец не решил, ты человек посольства или его опасная часть.

— Пусть думает. Мне торопиться некуда.

В знаке допуска Ли заметила исправленную черту. Обычный мастер провёл бы её сверху вниз и замкнул на родовом имени. Здесь линия входила сбоку, проходила под основным знаком и возвращала право тому, кто внёс исправление.

Так работал её отец. Он называл эту черту дверью для последней ошибки. Она позволяла менять уже принятый документ, не ломая внешнюю печать.

Ли провела пальцем по бумаге. Кровь в недавнем проколе стала горячей. Нефритовая нить узнала родственную технику и на миг покраснела.

— Что это? — спросил Савва, заметив перемену цвета.

— След от пальца.

— Работа клана Ли? — Савва наклонился ближе.

— Поздняя правка.

— Чья?

Ли сложила приглашение, прежде чем красный след дошёл до скрытого имени мастера. Бумага остыла.

— Сначала проверим дату.

Савва не поверил, но отступил. Глеб стоял с другой сто-

роны стола и не видел нить.

Писарь принёс журнал прибытия, и Вэй Цун велел сверить имена. Ли развернула приглашение: в верхнем углу стоял день выдачи.

— Когда застава получила известие о нашем обозе?

— Три дня назад, — ответил писарь.

— Покажите запись.

Он нашёл нужный лист. Посольский гонец с севера прибыл на исходе прошлой недели. До того в реестре не было ни Рощина, ни его людей.

Савва положил приглашение рядом с журналом и пересчитал дни. Потом проверил ещё раз.

— Оно составлено раньше.

— В столице могли ожидать посольство, — сказал Вэй Цун.

— Посольство — да, — ответила Ли. — Но здесь заранее вписаны все сопровождающие. Даже Глеб, которого Рощин нанял уже после выхода к границе.

Она посмотрела на имена, на внутреннюю черту отца и на дворцовую дату. Приглашение было выдано за двенадцать дней до того, как застава узнала об их прибытии.

Глава 2. Чужак по списку

Глеб понял, что его задержали, когда дверь в оружейную закрылась перед Саввой. До этого всё походило на обычный досмотр: меч сняли с перевязи, топор положили на стол, нож велели вынуть из сапога. Теперь караульный повернул ключ и встал у выхода, а второй унёс оружие за решётчатую перегородку.

— Основание назови, — сказал Глеб.

Караульный ответил на местном наречии. Глеб понял только слово «порядок». За шесть месяцев пути им оправдывали любую задержку.

Савва остался снаружи. Он прижался лицом к решётке у двери и перевёл:

— Тебя отделили до подтверждения статуса.

— Какого ещё статуса?

Савва переговорил с караульным и помолчал дольше, чем требовал перевод.

— В журнале ты записан как оружие свидетельницы.

Глеб посмотрел на стол: меч лежал рядом с топором, а нож уже убрали в деревянный ящик.

— Спроси, почему оружие ходит в сапогах и требует завтрак.

— Я спросил проще.

— Напрасно.

Караульный открыл окошко в двери и передал Савве узкую дощечку. Тот прочёл запись дважды.

— Здесь сказано: «Русский мужчина, принадлежащий к дорожному вооружению свидетельницы Ли Шэньюэ».

— Я ей не принадлежу.

— Я знаю.

— Она знает?

— Думаю, да. Но в это утро лучше проверить даже очевидное.

Глеб подошёл к решётчатой перегородке. На полу перед ней была проведена красная черта. Он поставил носок сапога на краску. За решёткой сразу звякнул его меч: ножны дёрнулись к стене и прилипли к железному крюку.

Глеб отступил. Ножны опустились.

Печать работала через запись в журнале. Пока реестр считал его частью вооружения, любое оружие, закреплённое за ним, оставалось в запертой половине помещения. Дверь признавала не человека, а строку о нём.

— Хорошо устроились, — сказал Глеб. — Ошибку пишет писарь, а держит железо.

Караульный, кажется, понял смысл. Он постучал пальцем по дощечке и повторил заученную фразу. Савва перевёл:

— До прибытия дворцовой охраны имущество свидетельницы хранится по месту досмотра.

— Я не имущество.

Караульный снова произнёс ту же фразу, не меняя ни сло-

ва.

Глеб слышал такие ответы и раньше. Караульному дали готовый текст, а решение приняли не здесь.

— Спроси, когда вызвали дворцовую охрану.

Савва спросил. Караульный отвёл глаза к окну и повторил про хранение имущества.

— Значит, вызвали до досмотра, — сказал Глеб.

Ли Шэньюэ вошла вместе с Вэй Цуном. Приглашение она держала сложенным внутрь, скрывая верх листа.

— Откройте дверь, — сказала Ли.

Вэй Цун ответил, не глядя на Глеба:

— После передачи дворцовому наряду.

— Он свободный сопровождающий русского посольства.

— В реестре другое.

— Исправьте реестр.

Писарь подошёл к столику у стены. Ли продиктовала новую строку. Он вывел первые знаки, но кисть остановилась над словом «свободный». Чернила собрались на кончике и не упали на бумагу.

— Печать не принимает исправление, — сказал Вэй Цун.

Ли взяла журнал. Красная нить замкнулась возле имени Глеба. Пока его право на путь зависело от Ли, простая замена слова ничего не меняла.

— Запись составлена неверно, — сказала она.

— Она принята заставой.

— Принятое не становится верным.

— Но действует.

Глеб увидел, как Ли сжала пальцы на краю журнала. Она могла вмешаться в печать, однако для этого пришлось бы использовать кровь. После северного узла она старалась не пла- тить телом за каждую чиновничью уловку.

— Дай сюда, — сказал он.

Ли посмотрела на него.

— Что именно?

— Бумагу. Я хотя бы пойму, где моё имя.

Савва открыл дверь с разрешения Вэй Цуна и вошёл внутрь. Журнал он держал обеими руками, словно нёс миску с горячей похлёбкой. Поставив его на стол, показал строку.

Глеб не читал знаков, но своё имя узнавал. Здесь оно сто- яло после изображения меча.

— Переведи всё, — потребовал Глеб.

— «Оружие свидетельницы: русский меч, малый топор, нож поясной, мужчина по имени Глеб Воронец».

В комнате стало тихо. Потом Глеб ткнул пальцем в ножны за решёткой.

— Меч записан раньше меня.

— Да.

— Значит, по их бумаге он главнее.

— У него меньше причин спорить, — сказал Савва.

Даже Ли улыбнулась, хотя сразу отвела взгляд к журналу.

Глеб провёл пальцем по краю страницы. Красная нить качнулась к его руке, а метка Чёрного Неба ответила холо-

дом. Печать не смогла решить, считать ли его человеком или оружием. Нить раздвоилась между мечом и запястьем.

Караульный шагнул ближе.

— Не трогай, — предупредила Ли. — Реестр сам проверяет противоречие.

Глеб убрал руку. Нить снова легла на бумагу.

— Исправляйте, пока он не решил, что я — ножны, — сказал он. — В них удобнее. Не кормят и не спрашивают.

— Нужен приказ старшего лица, — ответил Вэй Цун.

— Ты здесь начальник.

— На посольские записи моя власть ограничена.

— Зато держать меня у тебя власть нашлась.

Вэй Цун промолчал. В окно Глеб увидел, как тело курьера уносят в кладовую. Боро шла следом, высматривая следы возле водостока.

На соседнем столе лежали бланки. Под чистым верхним листом виднелась красная рамка.

Глеб взял стопку.

Писарь бросился к нему и заговорил быстрее. Глеб оттолкнул его локтем, без удара, но достаточно, чтобы тот отступил.

— Савва, что он бережёт?

— Говорит, это служебные бумаги.

— Вижу. Бумага служит, человек сидит.

Он поднял верхний лист. Под ним лежал заполненный бланк. В середине оставалось белое место, но по краям уже

стояли строки и печати.

— Переводи.

Савва взял документ. Его лицо изменилось, едва он прочёл первую строку.

— Это постановление о передаче обвиняемого дворцовой страже.

— Имя есть?

— Есть.

Ли подошла ближе. Вэй Цун протянул руку, но Глеб прижал бумагу ладонью к столу.

— Сначала прочтём.

— Документ не введён в действие, — сказал начальник.

— Тогда чтение не повредит.

Савва продолжил:

— «Глеб Воронеж, русский, около тридцати двух лет, с рубцом под левым ухом. Вооружён коротким мечом, малым топором и ножом без клейма».

Глеб коснулся рубца. По дорожным бумагам его описать не могли.

— Дальше.

— «Задержан при следовании к Северной столице. Сопротивление вероятно. При попытке побега допускается связывание кровным условием».

— Причина?

Савва дошёл до нижней строки и остановился.

— Здесь пока пусто.

— Всё остальное написали заранее, а причину забыли?

— Берегли место для честности, — сказал Савва.

Ли взяла бланк. Красная рамка не отозвалась: приказ ещё не ввели в действие, хотя две печати внизу уже стояли.

— Это не местная форма, — сказала она. — Бумага дворцовой канцелярии.

— Поэтому дворцовая охрана приедет за имуществом? — спросил Глеб.

— За обвиняемым, — поправил Вэй Цун.

— Быстро я вырос.

Ли посмотрела на начальника.

— Когда вы получили этот бланк?

— Ночью с курьером.

— Хоу Пин принёс и приглашение, и постановление?

— Конверты были разделены.

— Почему вы не сообщили о втором?

— Потому что в нём нет основания для исполнения.

Вэй Цун утверждал, что основания нет, но охрану уже вызвал. Ему сообщили больше, чем он признавал.

— Покажи приказ, по которому отняли меч, — сказал Глеб.

Начальник взглянул на Савву, ожидая перевода. Получив его, ответил:

— Досмотр проводится по правилам заставы.

— Досмотр закончен. Почему оружие не вернули?

— Из-за записи в реестре.

— А кто велел записать меня вещью?

Вэй Цун указал на приглашение в руках Ли.

— Статус взят из дворцового списка.

Глеб посмотрел на красный конверт. Ли по-прежнему держала верхнюю часть приглашения закрытой. Он вспомнил, как в приказной избе она ответила про замок, но не сказала, чья кровь его открыла.

— Покажи список, — сказал он.

Ли развернула приглашение не сразу. Глеб успел заметить движение её большого пальца: она закрыла им одну линию возле даты.

— Моё имя здесь, — сказала она и указала нужное место.

— Рядом стоит знак сопровождающего.

— Савва.

Тот прочёл:

— «Мужчина русского происхождения, вооружённый слуга свидетельницы».

— Свободный сопровождающий, значит.

— Дворцовый писарь выбрал другое слово.

Глеб посмотрел на Ли. Она защищала его перед Вэй Цунем как отдельного человека, но часть приглашения скрывала. Значит, опасность касалась не только его статуса.

— Потом договорим, — сказал он.

— Да.

Ответ прозвучал без паузы. Глеб запомнил это.

Он снова повернулся к начальнику заставы.

— Покажи подпись под списком.

Вэй Цун нахмурился.

— Ты не читаешь.

— Зато вижу, где человек касался бумаги.

На постановлении стояли две печати, но подписи были одинаковыми. Чернила легли без нажима, линии не заходили на воск. Глеб не знал письма, зато видел, когда знак перенесли с образца.

— Ли, они настоящие?

Она поднесла бланк к свету.

— Печати настоящие. Подпись скопирована.

— Значит, приказа нет.

— Есть форма приказа, — ответила она. — Без подтверждённой воли подписавшего.

— Для меча хватило и формы.

Ли обратилась к Вэй Цуну:

— Реестр ссылается на документ без действительной подписи. Условие удержания не подтверждено.

Писарь раскрыл местный свод и нашёл нужную строку.

Савва перевёл:

— Если основание для изъятия не подтверждено, оружие возвращают до прибытия старшего наряда. Но владелец обязан принять наблюдение.

— Какое ещё наблюдение?

Ли ответила прежде Саввы:

— Метка пути. Она покажет, через какие ворота ты про-

шёл и где остановился.

— На сколько?

— До столицы или до снятия дворцовой властью.

— Удобно.

— Иначе они оставят тебя здесь.

Глеб глянул на караульных: те держали копья иначе. Древки больше не стояли у ног — острия поднялись до груди.

— Ставьте, — сказал Глеб. — Только на левую руку. Правая мне нужна для плохих решений.

— Это ограничит право скрытого прохода, — предупредила Ли.

— Я и без того плохо скрываюсь.

Караульный принёс узкую полоску бумаги с красным знаком. Писарь вписал имя Глеба и коснулся полосой его запястья. Бумага сразу прилипла к коже.

Красная линия вошла под кожу и замкнулась вокруг руки. Когда Глеб шагнул к выходу, на косяке вспыхнул такой же знак. Застава отметила движение.

— Теперь верните оружие, — сказала Ли.

Писарь исправил строку в журнале. Он вычеркнул слово «оружие» перед именем Глеба и вписал «наблюдаемый чужак». Красная нить отошла от меча. За решёткой ножны упали с крюка.

Караульный открыл перегородку. Глеб надел перевязь, забрал топор и нож. Нож вынимали из ножен: в ящике он лежал другой стороной.

— Теперь можно идти? — спросил он.

— Только во дворе, — перевёл Савва.

— Щедрые люди.

Они вышли к конюшням. Боро стояла возле водостока и держала найденный обрывок шнура. Рощин спорил с каральным о сменных лошадях. У ворот ждала повозка без герба. Два дворцовых всадника ещё не спешили.

Ли остановилась рядом с Глебом.

— Я сниму метку на следующей заставе.

— Сначала расскажешь, что закрыла пальцем в приглашении.

Она посмотрела на него спокойно, но рука с конвертом опустилась.

— Расскажу, когда проверю.

— Вот это и есть умолчание.

— Пока это непроверенная улика.

— Для меня разницы мало. Я уже записан вещью, обвиняемым и чужаком. Не хватало только узнать последним, за что нас ждут.

Савва вышел следом и вернул Глебу сложенный бланк.

— Ты украл государственную бумагу? — спросила Ли.

— Я спас её от беспорядка, — ответил Савва. — Она лежала не в том месте и смущала людей.

Глеб развернул постановление. Теперь свободная строка в середине была видна лучше. Она предназначалась не для причины задержания, а для даты исполнения. Причина сто-

яла ниже, почти у самой печати.

Савва прочёл её медленно, сверяя каждый знак:

— «За убийство наследника Нефритового князя».

Во дворе продолжали седлать лошадей. Курьер лежал в кладовой. Приглашённый наследник был ещё жив, но приговор Глебу уже ждал только даты.

Глава 3. Врата, помнящие кровь

На третий день имперский тракт вывел обоз к воротам, которые проверяли не бумаги, а людей. Между открытыми каменными створками тянулась зелёная полоса. Над проездом висела медная пластина с именами допущенных родов.

Перед воротами уже задержали купца. Он пытался пройти второй раз, но вновь оказался снаружи, хотя шёл прямо. Ступил на зелёную полосу, сделал три шага — и вернулся к своей телеге.

— Я заплатил пошлину! — кричал он.

Писарь поднял его дорожную дощечку.

— Здесь записан Чжао Дэшунь, сын Чжао Вэня.

— Так и есть.

— На родовой бирке вы Чжао Дэшунь, сын Чжао Вэйня.

Купец обернулся к старику, сидевшему на мешке с просом.

— Отец, ты Вэнь или Вэйнь?

— До этой заставы был Вэнь, — ответил старик. — Дальше посмотрим, сколько стоит остаться собой.

Смех прошёл по очереди. Купцу было не до смеха. У обочины лошадь жевала ремень, пока хозяин доказывал камню своё родство. Он сунул писарю монету, получил новый лист и прошёл с первой попытки. Врата признали исправленное отчество и перестали возвращать его к телеге.

Ли Шэньюэ наблюдала из седла. Эти ворота не искали правду. Они сравнивали имя, кровь и запись в дорожном реестре. При совпадении условий человек продолжал путь. При ошибке дорога возвращала его назад.

— Полезная вещь, — сказал Глеб. — Сразу видно, сколько стоит отец.

За три дня красная метка на его запястье потемнела. На остановках она оставляла след в журнале. Глеб перестал закрывать её рукавом, потому что ткань нагревалась и пахла палёной шерстью.

— Не трогай зелёную полосу раньше времени, — сказала Ли.

— Я и не собирался.

— Ты смотришь на неё так, будто уже решил проверить сапогом.

— Сапог пока против.

Савва подъехал ближе и перевёл приказ караульного. Обоз должен был пройти до полуденного удара. Потом ворота закрывали на проверку, а лошадей отдавали следующей колонне.

Роцин потребовал провести его первым. Начальник двора указал на реестр.

— Сначала люди. Потом груз.

— У нас дворцовое приглашение.

— Ворота его прочтут.

Ответ был вежливым и потому окончательным. Роцин

отошёл к первой повозке, бормоча, что в России камень хотя бы не требует объяснять ему родословную.

Проверка шла быстро. Человек называл имя, писарь брал каплю крови на дорожную дощечку. Зелёная полоса под ногами светлела. Если имя совпадало с признанной кровью, ворота пропускали.

Савва прошёл без задержки. Врата признали его лекарем посольства и вернули иглу писарю так резко, что тот едва не уронил коробку.

— Даже камень считает, что с меня довольно крови, — сказал Савва.

Боро пришлось назвать имя дважды. Первый раз писарь записал его неверно. Зелёная полоса дёрнула её назад на полшага.

Боро посмотрела на писаря.

— Ещё одна ошибка, и проверим твоё имя моим ножом.

Во второй записи всё совпало. Она прошла и осталась за воротами, наблюдая за двором смены лошадей.

Ли подала свою дощечку. Писарь увидел родовое имя и поднял голову.

— Клан Ли не значится среди действующих дорожных домов.

— Я следую как свидетельница северной печати.

— Родовой статус?

— Последняя признанная мастерица.

Писарь не стал спорить. Игла вошла в палец. Капля упала

на дощечку, и зелёная полоса пропустила Ли. Однако медная пластина над воротами звякнула. Возле имени клана Ли проступила новая зарубка. Дворец получил отметку о её проходе.

Ли сошла с полосы. Глеб остался последним среди сопровождающих. Караульный уже снял с его пояса меч и положил на стол, хотя после прошлой заставы оружие должны были проверять вместе с владельцем.

— Основание? — спросил Глеб.

Писарь указал на красную метку.

— Наблюдаемый чужак проходит без оружия.

Савва перевёл. Глеб посмотрел на Ли.

— Опять вещь отдельно от хозяина?

— На этот раз хозяина хотя бы признают человеком, — ответила она.

— Растём.

Писарь потребовал имя и род. Савва перевёл ответ Глеба.

— Род Воронцов? — уточнил писарь.

— Воронец, — сказал Глеб.

— Это имя человека. Нужна линия крови.

— Та, которая дошла сюда пешком.

Писарь не понял. Савва перевёл без шутки:

— Родовая линия не подтверждена.

Глеб протянул левую руку. Игла коснулась пальца. В тот же миг метка наблюдения сжалась вокруг запястья, а под рукавом проступил чёрный след Печати Чёрного Неба.

Капля упала на дорожную дощечку.

Зелёная полоса загорелась сразу в трёх местах. Первая линия пошла к реестру посольства. Вторая потянулась к оружию на столе. Третья легла поперёк ворот и закрыла проезд.

Караульные опустили копья.

— Не двигайся, — сказала Ли.

— Я и не двигаюсь.

— Даже лицом.

— Это сложнее.

Медная пластина застучала о камень, подтверждая противоречие. Реестр считал Глеба свободным сопровождающим. Метка называла его наблюдаемым чужаком. Кровная линия ворот пыталась признать его частью старого договора, но не находила родового имени.

Писарь отшатнулся.

— Его кровь требует входа без записи.

— Она ничего не требует, — сказала Ли. — Врата задают неверный вопрос.

Начальник двора подошёл к полосе. На его поясе висела связка нефритовых бирок.

— Врата спрашивают происхождение каждого.

— Тогда почему признают должность лекаря и статус посольского служителя?

— Это допустимые уточнения.

— Происхождение не единственный ответ.

Начальник посмотрел на Глеба.

— Пусть назовёт род.

— Он его не знает.

— Тогда врата определяют сами.

Чёрная линия под ногами Глеба стала шире. Если врата продолжают проверку, они могут связать его с тем слоем старого договора, который Ли ещё не понимала. Дворцовый реестр сохранит ответ. После этого скрывать природу его крови станет невозможно.

Глеб заметил её взгляд.

— Скажи, что ломать.

— Ничего.

— Уже лучше. Обычно ты называешь цену после.

Он мог разорвать противоречие прикосновением. Врата открылись бы ценой памяти. Ли не собиралась использовать его как удобный ключ.

Она достала нефритовую пластину.

— Измените вопрос.

Начальник двора покачал головой.

— Правило установлено дворцом.

— В правиле есть сопровождающий. Спрашивайте не его происхождение, а мою ответственность за его путь.

— Вы не можете принять чужую кровь в свой род.

— Я этого не предлагаю.

Ли положила пластину на край зелёной полосы. На поверхности проступили три действующих условия. Первое требовало признанного имени. Второе связывало кровь с ро-

дом. Третье разрешало пройти человеку, за которого отвечает уже допущенный свидетель.

Третья строка была сжата до одного знака. Ею проводили людей без документов. Ли провела иглой по пальцу и коснулась этого знака.

— Я, Ли Шэньюэ, беру ответственность за его путь до следующей заставы.

Кровь растеклась по пластине и вошла в зелёную полосу. Врата сразу отпустили линию, ведущую к родовому реестру. Теперь они проверяли два условия: признаёт ли Ли Глеба самостоятельным сопровождающим и согласен ли он принять её ответственность на этом участке дороги.

— Согласен? — спросила она.

Глеб посмотрел на кровь на её пальце.

— На дорогу — да. В род не пойду.

— Тебя не приглашали.

— Теперь спокойнее.

— Назови имя ещё раз.

Он назвал себя. Зелёная полоса приняла имя без родового продолжения. Чёрный след под рукавом погас. Красная метка наблюдения осталась, но перестала тянуться к воротам.

Караульные подняли копья. Писарь вернул меч.

Начальник двора взял журнал и показал Ли новую строку. Её правку записали вместе с точным временем.

— Дворец увидит, что вы изменили вопрос врат.

— Пусть заодно увидит, что прежний вопрос не работал.

— Вас могут вызвать для объяснения.

— Мы и так едем туда, где любят объяснения.

Глеб надел перевязь и подошёл к ней.

— Могла велеть мне порвать линию.

— Могла.

— Почему не велела?

— Это был бы быстрый способ.

— Ты обычно любишь точные.

— Быстрый и точный — разные вещи.

Он посмотрел на её руку. Кровь остановилась, но палец онемел, и Ли спрятала пластину в рукав.

— Я заметил, — сказал Глеб.

— Что именно?

— Ты спросила согласие до того, как заплатила больше.

— Не привыкай.

— Поздно.

Рощин крикнул, что до полудня осталось меньше четверти часа. Конюхи уже выводили свежих лошадей для следующего обоза. Их упряжь ещё не сменили, а начальник двора велел торопиться.

Первая повозка прошла ворота. Ли направилась следом, но из соседнего проезда донёлся плач ребёнка.

Низкую лекарскую повозку ввели во внутренний двор. Окна закрывали решётки, за ними висела белая ткань. Возле колеса шёл лекарь в серой одежде. Он показывал караульным дощечку с записью о сироте, которого везли на лечение

в столицу.

— Имя? — спросил писарь.

— Аньшэн.

— Род?

— Не установлен. Найден при монастырской дороге.

Внутри, прижавшись к стенке, сидел мальчик лет девяти — осунувшийся, с побелевшими губами. На шее виднелась повязка со следом от недавнего укола.

Лекарь вывел Аньшэна на зелёную полосу. Писарь проколол ему палец.

Капля крови упала на дощечку сироты.

Врата изменили цвет. Зелень ушла в густой нефритовый блеск, который Ли видела только на княжеских документах. Медная пластина над проездом ударила один раз. Караульные одновременно опустили на колени.

Начальник двора побледнел.

— Поднимите его, — приказал лекарь. — У мальчика жар.

Писарь смотрел на дощечку. Запись утверждала, что перед ним сирота без рода. Кровь давала ему право княжеского прохода.

Ли сделала шаг к соседнему двору. Красная метка на её рукаве ещё связывала её с Глебом и отозвалась болью: её обоз уже пересекал ворота. Если она уйдёт с принятого пути, правка раскроется и задержит всех.

— Что произошло? — спросил Савва.

Он стоял дальше и не видел цвета полосы.

— Ребёнку стало плохо.

— Я лекарь.

— Там есть свой.

Савва посмотрел на неё внимательнее. Ли не сводила глаз с мальчика.

Аньшэн поднял голову. Испуганный ребёнок старался не плакать перед людьми, вставшими перед ним на колени.

Лекарь быстро обернул его палец тканью и усадил обратно в повозку. Писарь попытался забрать дощечку, но сопровождающий вырвал её и спрятал за пазуху.

— Запись ошибочна, — сказал начальник двора.

— Мальчик болен, — ответил лекарь. — Ошибка в крови бывает от жара.

Ли знала: жар мог испортить пробу, но не дать право княжеского прохода.

Со стороны главных ворот ударил барабан. Началась полуденная проверка. Каменные створки медленно двинулись навстречу друг другу.

— Всем выйти со двора! — крикнул начальник.

Караульные погнали обоз вперёд. Конюхи отцепили последнюю сменную лошадь, потому что Роцин не успел поставить свою печать. Савва вскочил на подножку второй повозки. Глеб задержался возле Ли.

— Что ты увидела?

— Врата признали мальчика.

— Кем?

Створка прошла совсем рядом. Начальник двора встал между Ли и лекарской повозкой.

— Свидетельница должна покинуть линию. Иначе ворота закроются на её ответственности.

Ли отступила на тракт, и Глеб вышел следом. Каменная створка сомкнулась, отрезав соседний двор.

— Кем? — повторил он.

— Пока не знаю.

Это была правда только наполовину. Ли не знала, кто такой Аньшэн. Но она знала, кем его признала кровь.

Обоз двинулся дальше без свежей лошади для последней повозки. Колесо увязло в весенней грязи уже за первым поворотом. Роцин ругался на заставу, конюха и весь порядок имперского тракта. Боро молча подложила под обод доску.

Ли достала нефритовую пластину, чтобы проверить оставленный след правки. На ней сохранилось время прохода и её имя. Ниже проступила чужая строка, которой прежде не было.

Иероглифы собрались из нефритовой пыли и замерли на поверхности: «Первый запас принят».

Ли закрыла пластину ладонью, прежде чем Глеб успел прочесть её лицо.

Глава 4. Засада у восточной стены

Шаньхайгуань показался перед закатом, когда дорога поднялась над равниной. Стена шла к морю серой полосой, а над восточными воротами уже готовили вечерний барабан. Если обоз не успеет пройти до третьего удара, ночь придётся провести снаружи, возле сухого рва.

Глеб ехал рядом с первой повозкой и считал шаги до подъёмного моста. На мосту стояли шестеро в одежде дорожной стражи. Один держал копьё слишком низко, почти у бедра. Другой поставил ноги широко, будто ждал удара конницы, хотя перед ним тянулся узкий настил.

Настоящие караульные на мосту держались ближе к перилам. Иначе первая испуганная лошадь сбивала их в ров.

— Савва, — позвал Глеб. — Спроси, отчего ворота закрывают раньше барабана.

Савва передал вопрос. Старший на мосту ответил по-китайски, затем повернулся к обозу и крикнул по-русски:

— Оружие на землю! Посольским не двигаться!

Слова были правильными, но ударение он поставил так, словно выучил приказ утром.

Глеб спешился и провёл ладонью по шее коренной лошади.

— Рощин, скажи людям не тянуть поводья.

— Почему?

— Потому что через минуту им захочется.

Он вынул нож и перерезал узел, которым постромка крепилась к передней повозке. Затем ослабил вторую сторону, оставив верёвку на одном обороте.

Рощин увидел нож.

— Ты что делаешь?

— Спасая твою телегу от твоих лошадей.

— А лошадей?

— Если повезёт, от телеги.

Стражник на мосту поднял руку. За воротами заскрипела цепь. Железная решётка начала опускаться не перед обозом, а между второй и третьей повозками.

— Вперёд! — крикнул Глеб.

Возница хлестнул лошадей вожжами. Первая телега въехала на мост, вторая пошла следом. Решётка упала между ними и задней частью обоза, отрезав Ли, Савву и Боро.

Сверху полетела стрела. Она вошла в борт возле Рощина. Тот пригнулся.

— Это досмотр?

— Теперь уже подробный.

Люди в форме ударили с двух сторон. Двое бросились к первой повозке, где в двойном дне лежало свидетельство о северной печати. Они знали нужный груз и не тратили время на сундуки посольства.

Глеб выхватил меч. Красная метка наблюдения на запястье вспыхнула, отмечая движение оружия возле импер-

ских ворот. Этого нападавшие тоже ждали.

Старший крикнул по-русски:

— Русские напали на стражу! Закройте проход!

На башне показались настоящие караульные. С высоты они видели людей в своей форме и чужаков с обнажённым оружием. До разбора оставалось несколько мгновений.

Глеб шагнул навстречу первому нападавшему, принял копье на обух меча и толкнул древко к перилам. Человек врезался плечом в камень, а рукоять меча пришлась ему в висок. Глеб сразу повернулся к повозке.

Второй уже забрался на козлы. Возница попытался столкнуть его кнутом, но получил ножом по предплечью.

Глеб схватил свободный конец постромки и дёрнул. Ослабленный узел распустился. Лошади вырвались вперёд без телеги, а нападавший вместе с возницей рухнул на настил. Повозка осталась на мосту и закрыла проезд.

— Я же говорил, не держать поводья! — крикнул Глеб Рощину.

— Ты сказал поздно!

— Зато громко.

За решёткой Ли не тратила время на спор с караулом. Она бросила нефритовую пластину под нижний край решётки. На железе проступило условие: створка признаёт только приказ ворот. Ли провела кистью-клинком по пыли и изменила одно слово. Теперь решётка должна была признавать голос механизма, а не человека у цепи.

Савва врезал прикладом по деревянному кожуху привода. Внутри глухо звякнул противовес, и решётка дёрнулась вверх на ладонь.

Боро легла на землю и просунула под неё короткое копьё. Железо остановилось.

— Долго не удержу, — сказала она.

— Нам ненадолго, — ответила Ли.

Они понимали друг друга без объяснений. Глеб увидел это через прутья и сразу сменил задачу. Ему не требовалось ломать решётку. Нужно было заставить мост поднять её своим весом.

Под настилом шла толстая верёвка от противовеса подъёмного моста. Возле первой опоры она огибала деревянный барабан. Глеб нырнул под оглоблю, пока над спиной прошёл клинок.

Он рубанул не по человеку, а по стопорному клину барабана.

Клин треснул, но остался в гнезде.

Нападавший снова рубанул сверху. Глеб принял клинок на гарду, отступил к оси повозки и намотал на неё конец постромки. Затем сунул меч между спицами.

— Толкни колесо! — крикнул он Рощину.

— Куда?

— От меня. Это важнее направления.

Роцин упёрся плечом в обод. Возница здоровой рукой помог ему. Колесо провернулось, верёвка натянулась и выдер-

нула стопорный клин.

Противовес ушёл вниз, мост вздрогнул, и решётка поднялась на два локтя. Ли пригнулась и первой проскользнула под железом. Савва полез следом, цепляясь сумкой за зубья, а Боро выдернула копьё в последний миг и перекатилась на другую сторону.

— Я застрял, — сказал Савва.

Ли дёрнула его за пояс. Ткань треснула, сумка осталась цела.

— Хорошая одежда, — выдохнул он. — Сразу отделяет важное от лишнего.

Нападавшие у ворот поняли, что обоз снова соединился. Их старший вынул из-за пояса белый свиток и разорвал шнур зубами.

Полоса бумаги упала поперёк моста. Белая черта вспыхнула от одного края моста до другого.

Глеб шагнул к ней. Меч в руке потяжелел и потянул вниз. Остриё ударилось о доски. Топор на поясе прижал его бедро к перилам.

Свиток запрещал иностранному оружию пересекать линию.

Один из нападавших поднял свой меч и спокойно прошёл через белую черту. Его оружие печать считала местным.

— Удобное правило, — сказал Глеб.

— Брось меч! — крикнула Ли.

Он отпустил рукоять. Меч остался лежать перед линией.

Глеб шагнул навстречу противнику с пустыми руками.

Тот замахнулся. Глеб ушёл внутрь удара, схватил его за рукав и пояс, а затем толкнул грудью через белую черту.

Печать дрогнула. Вместе с человеком линию пересёк его меч. Бумага признала владельца частью оружия, которое сама пропустила, и на миг открыла исключение.

— Сейчас! — сказала Ли.

Она бросила шёлковую нить. Та обвилась вокруг рукояти Глебова меча и протащила клинок через черту, пока правило разбиралось с первым владельцем.

Глеб поймал оружие. Белая полоса ударила жаром по ладони, но не удержала клинок. На коже осталась красная сетка. Пальцы сгибались плохо, и рукоять пришлось перехватить ближе к гарде.

— Ты мог сказать, что собираешься делать, — заметил Савва.

— Тогда он тоже услышал бы.

— Убедительно. Особенно для человека, которого только что использовали как дверь.

Противник попытался подняться. Глеб наступил ему на запястье и выбил меч. За спиной Ли уже связала белую полосу с каменным столбом. Печать перестала различать оружие по происхождению и начала проверять, кому принадлежит сам мост. Столб не имел рода. Запрет погас.

Настоящие караульные на башне всё ещё не вмешивались. Старший нападавших поднял руку и крикнул на их языке:

— Чужаки убили людей заставы! Не выпускайте их!

Ли ответила тем же языком:

— Пусть назовут смену и имя начальника ворот.

Человек на мосту промолчал.

Глеб услышал шаги под повозкой. Третий нападавший полз к двойному дну и успел перерезать ремни, удерживавшие доску.

Глеб опустил клинок на ось рядом с пальцами нападавшего. Сталь высекла щепу.

— Вылезай.

Тот толкнул доску вверх. Из-под днища выскользнул дорожный футляр, обёрнутый промасленной тканью. Нападавший схватил его и метнулся к краю моста.

Глеб бросился следом, но старший заслонил проход. Он не пытался победить. Его задача была задержать Глеба на два удара.

Первый удар Глеб отбил. Второй прошёл по рукаву и разрезал кожу выше локтя. Глеб толкнул старшего к перилам, но тот отпрыгнул и свистнул.

Человек с футляром перемахнул через низкую стенку на служебную дорожку, которая шла вдоль рва. Там его ждала лошадь.

Боро уже исчезла с моста.

Глеб заметил её ниже, возле основания стены. Она не прыгала следом. Ещё до нападения Боро увидела свежий след у откоса и нашла спуск, которым пользовались рабочие.

Она вышла на дорожку впереди беглеца.

Тот выхватил нож.

Боро бросила ему под ноги петлю. Верёвка затянулась на щиколотке. Человек упал, но успел швырнуть футляр всаднику, выехавшему из тени стены.

Боро метнула нож. Лезвие вошло в ремень у седла. Футляр повис сбоку, ударился о камень и раскрылся. Из него вылетели сложенные листы.

Всадник обернулся. Лица Глеб не увидел: его закрывала дорожная маска. Человек подхватил один лист, остальные бросил и погнал лошадь к восточной дороге.

— За ним! — крикнул Рошин.

Глеб мог успеть. Передняя упряжь была свободна, одна лошадь стояла у края моста. До поворота оставалось меньше сотни шагов.

Сзади застонал возница. Он лежал под опрокинутыми козлами, а повозка медленно съезжала к перилам. Противовес продолжал тянуть мост. Если колесо соскочит с настила, телега потянет за собой вторую.

Главарь уходил с одним листом. На мосту оставались люди и остальные бумаги.

Глеб повернулся к повозке.

— Савва, к раненому! Рошин, верёвку сюда!

— Он уйдёт! — крикнул посланник.

— Уже уходит.

Глеб вставил меч между осью и доской настила. Ли по-

няла без слов. Она закрепила шёлковую нить на противоположном колесе и перекинула конец через каменный зубец.

Боро поднялась со служебной дорожки и потянула снизу. Колесо остановилось на расстоянии ладони от края.

Савва залез под козлы.

— Нога зажата. Поднимайте медленно.

Глеб упёрся плечом в ось, а Ли ослабляла нить по его движению. Они не смотрели друг на друга: когда он давил на ось, она отпускала нить так, чтобы повозка не сорвалась. Раненого вытащили до того, как меч в оси согнулся.

На башне барабан отбил первый вечерний сигнал.

Настоящий караул наконец вышел на мост. Его начальник увидел поваленных людей в знакомой форме и потребовал сложить оружие.

— Начни с них, — сказал Глеб и указал на нападавших.

— Они знают твои приказы хуже меня.

Савва перевёл. Начальник караула сорвал с ближайшего пленника нагрудную бирку. На обороте не было знака смены.

— Самозванцы, — сказал он.

— Поздно заметили, — ответил Рошин.

— С башни вы выглядели как вооружённые чужаки.

— А они?

— Как наша стража.

— Значит, одежда служит лучше людей.

Ли подняла белый свиток и передала начальнику. Тот увидел дворцовую бумагу, сразу перестал спорить и велел за-

крыть мост.

Второй удар барабана прокатился над стеной.

— Обоз должен пройти сейчас, — сказала Ли. — Иначе вы оставите посольство вместе с нападавшими у внешних ворот.

Начальник колебался. Потом увидел на запястье Глеба метку наблюдаемого чужака. Она отмечала весь бой. Если двор потребует отчёт, каждый его шаг уже будет отмечен по времени.

— Пропустить две повозки, — приказал караульный. — Остальных после осмотра.

— Все вместе, — сказал Глеб.

— Это невозможно.

Глеб указал на сорванный стопор.

— Тогда мост останется в таком положении до утра. Я не знаю, как вернуть клин. Наверное, нужен человек, который не притворяется стражником.

Начальник посмотрел на механизм. Противовес висел внизу, решётка оставалась поднята. Закрыть проход без ремонта действительно не получалось.

— Пропустить обоз, — повторил он.

Третий удар прозвучал, когда последняя повозка пересекала ворота. Железные створки начали сходиться за ней. Глеб шёл рядом, прижимая ладонь к порезу на руке.

Во внутреннем дворе Боро бросила уцелевшие листы на стол. Свидетельство оказалось на месте. Всадник унёс пу-

стую копию верхней страницы, где не было списка узлов.

— Он выбрал лист на ходу, — сказал Савва. — Значит, не знал, какой нужен.

— Или ему важна была сама кража, — ответила Ли.

Боро поставила рядом с бумагами осколок зеркала. Она нашла его в футляре, под внутренней обивкой. Край был обработан серебром, а на обороте сохранился кусок дворцового знака.

— Такая работа не для дорожной стражи, — сказала Ли.

— Эти люди и не стража, — ответил Глеб.

— Но приказы по-русски выучили заранее, — добавил Савва. — На случай, если бой услышат со стены.

Начальник караула приказал перевернуть тела. Один нападавший погиб возле белой черты. Ли присела рядом и сняла с его запястья ложную бирку.

Под ней проступили линии. Они появились медленно, когда кровь перестала идти по руке: два полукруга, соединённые коротким разрезом возле вены.

Ли замерла.

Глеб заметил это сразу.

— Знаешь знак?

Она не ответила. Провела пальцем над линиями, не касаясь кожи, и посмотрела на положение разреза.

— Меня учили начинать эту схему с внутренней стороны запястья, — сказала она.

— В клане?

Ли подняла глаза.

— Этому меня учила старшая сестра.

Глава 5. Цена прохода

Через час после боя Шаньхайгуань уже выглядел так, словно на мосту ничего не случилось. Служители смыли кровь с досок, а сломанный стопор накрыли рогожей. Только у караульной палаты лежали чужие копья без бирок, и рядом сидел раненый возница. Савва зашивал ему предплечье, пока двое стражников спорили, считать ли человека частью посольства.

Ли Шэньюэ вошла в палату последней. На длинном столе лежали восемь показаний. Каждый лист начинался одинаково: отряд Ордена Чёрного Неба напал на имперскую стражу, русские гости вмешались в бой, власти Шаньхайгуаня восстановили порядок.

— Писарь старался, — сказал Савва, заглянув через её плечо. — Ошибся один раз и решил сохранить ошибку для всех свидетелей.

Комендант заставы Лю Кай сидел у дальней стены. На нём не было доспеха, только тёмный халат с поясной печатью. Он казался усталым, но говорил без суеты.

— Подпишите показания, и внутренние ворота откроют до смены ночного караула.

— Здесь написана ложь, — сказала Ли.

— Здесь написана версия, которую можно передать в столицу до рассвета.

Рощин ударил ладонью по столу.

— Нам нужно продолжать путь. Из-за вашей стражи мы едва не потеряли бумаги.

— Люди в форме не были моей стражей, — ответил комендант. — Если я сейчас признаю, что вооружённый отряд свободно вошёл на внешний мост с дворцовой бумагой, гарнизон закроют на расследование. Ваш обоз останется здесь вместе со мной.

— Мы не можем ждать.

— Тогда подпишите.

Глеб стоял возле двери. Левый рукав был разрезан, Савва стянул рану повязкой. Красная метка наблюдаемого чужака проступала выше ткани.

— Есть ещё способ открыть ворота, — сказал он.

Лю Кай посмотрел на меч у его пояса.

— Вижу.

— Это не предложение.

— Хорошо. Тогда я не обязан отвечать отказом.

Ли подняла первый лист. Внизу уже стояла печать гарнизона. Если она подпишет, засада станет нападением вымышленного ордена. Настоящие участники исчезнут из дела, а русское посольство получит роль вооружённой стороны.

— Откуда взялось название? — спросила она.

— С северной заставы пришло сообщение о таком ордене.

— Там его придумали после смерти курьера.

— Я получил официальную запись.

— Официальная запись может быть удобной и неверной одновременно.

— Может, — согласился Лю Кай. — Но она позволяет мне лечить раненых за счёт гарнизона, не обвиняя посольство в нападении на службу.

Он не пытался казаться правым. Эта бумага могла удерживать гарнизон от немедленной чистки. Если двор заподозрит стражу в нападении, не все переживут проверку печатями.

Рощин взял кисть.

— Подпишем и уедем.

Ли накрыла чернильницу ладонью.

— После подписи наш груз признают вещественным следом дела. Его могут изъять на любой заставе.

— У нас дворцовое приглашение.

— И приговор Глебу, составленный раньше преступления.

— Мы не можем спорить с каждой бумагой по дороге.

— Эта бумага спорит с нами первой.

Глеб подошёл к столу и прочёл лицо Ли вместо текста.

— Что нужно изменить?

— Статус события.

— Без новой драки?

— Можно.

Лю Кай подвинул к ней местный свод.

— Показания уже приняты печатью гарнизона. Исправить текст без отмены всей записи нельзя.

Ли коснулась края листа нефритовой пластиной. Красные линии проступили между строк. Печать связала событие, место и ответственность коменданта. Внутри было исключение: нападение на признанного свидетеля считалось делом вышестоящей власти, если свидетель следовал по дворцовому приглашению.

Исключение не меняло того, кто напал. Оно меняло право гарнизона назначить виновного.

— Вы знали об этой строке?

— Знал. Но для неё требуется открытое имя свидетеля. Ваш клан не признан действующим.

— Моё имя есть в приглашении.

— Как частное лицо.

— Тогда я внесу его как имя свидетеля, а не как право клана.

— После этого дворец увидит, где и когда вы вмешались в протокол.

— Он и так знает наш путь.

— Зато узнает точное время.

Глеб посмотрел на её правую руку.

— Цена?

— Небольшая.

— Это твоя любимая мера. После неё Савва обычно достаёт иглу.

— На этот раз не понадобится.

— Я всё слышу, — отозвался Савва. — Игла у меня уже

в руке.

Ли положила пластину на первое показание. Исправлять весь текст было нельзя. Она провела кистью-клинком под строкой о нападении Ордена Чёрного Неба и нашла знак, который определял событие как местное нарушение порядка.

— Я меняю только принадлежность дела, — сказала она. — Нападение на признанного свидетеля переходит в открытый протокол дворцового расследования. Название нападавших остаётся неподтверждённым.

— Гарнизон не будет обвинён? — спросил Лю Кай.

— Пока не появится доказательство его участия.

— А посольство?

— Не станет нападавшей стороной.

Комендант задумался. Такой протокол лишал его права закрыть дело, но позволял сохранить службу до проверки.

— Делайте.

Ли проколола палец у ногтя. Кровь легла на кисть-клинок. Она вписала своё имя в исключение и соединила его с дворцовым приглашением.

Печать сработала сразу.

Красная рамка на листе разошлась. Слова об Ордене Чёрного Неба побледнели, но не исчезли. Над ними проступил новый знак: «версия без подтверждения». Строка о восстановлении порядка осталась, зато ответственность за расследование ушла из рук гарнизона.

По столу прошёл слабый толчок. Все восемь листов изме-

нились одновременно.

Ли убрала кисть. Средний и безымянный пальцы правой руки не послушались. Пластина выскользнула и ударилась о стол.

Глеб поймал её раньше, чем она упала на пол.

Она попробовала согнуть пальцы. Средний едва дрогнул, безымянный остался неподвижен. Боль ушла, но пальцы оставались холодными и чужими. Это тревожило сильнее обычного жжения. Ли всё же не спрятала руку. Глеб смотрел на неё без упрёка, но и делать вид, что ничего не заметил, не собирался.

— Небольшая, — сказал он.

— Пальцы вернутся.

— Когда?

— К утру, надеюсь.

Ли забрала пластину левой рукой. Она могла спрятать онемение в рукаве, но Глеб уже видел. На этот раз она не стала говорить, что всё в порядке.

Савва коснулся её запястья.

— Чувствуешь?

— Давление чувствую. Кожу — хуже.

— До утра кистью не работай.

Лю Кай поставил новую печать. На листе вспыхнул знак открытого протокола.

— Теперь показания нужно подписать всем, кто находился на мосту.

— Своими словами, — сказала Ли.

Комендант велел писарю выдать чистую бумагу.

— Ему придётся работать, — заметил Савва. — Сегодня пострадал ещё один человек.

Роцин сел писать первым. Он долго выводил китайские знаки, потом сдался и продиктовал Савве русский текст. Боро написала две строки. В них было сказано, что человек с футляром бежал к заранее оставленной лошади, а в обивке нашли осколок дворцового зеркала.

Глеб поставил знак вместо подписи.

— Что написал? — спросила Ли.

— Что люди на мосту отдавали русские приказы с чужим выговором. И про белую черту.

— Укажи, как ты её обошёл.

— Пусть следующий умник сам думает.

Лю Кай прочёл перевод и посмотрел на Глеба.

— Вы использовали владельца местного меча как исключение?

— Он сам пришёл с мечом.

— Это опасный способ читать печати.

— Я вообще читаю плохо.

Комендант приказал открыть внутренние ворота после осмотра груза.

— Осмотр уже был, — сказал Роцин.

— После нападения часть футляра оказалась вне повозки. Я обязан проверить, что в обоз не подложили запрещённый

предмет.

— Вы опять задерживаете нас.

— Я принял версию, при которой ваш человек не напал на мою стражу. Дайте мне исполнить одну обязанность без спора.

Рощин хотел ответить, но Ли остановила его.

— Осмотр проведём вместе.

Склад для конфискованных грузов находился за караульной палатой. Каменное помещение пахло мокрым деревом. Пломбы на ящиках были целы, кроме одного русского сундука с подарками.

Рощин увидел сломанную скобу.

— Его вскрыли на мосту?

— Его вскрыли раньше, — сказала Боро.

Она присела возле замка и провела ногтем по ржавчине. Под скобой дерево было светлее.

— Старый гвоздь вынули, потом поставили новый. На дороге он расшатался.

Рощин нахмурился.

— Сундук опечатали в русском остроге.

— Значит, там и открывали, — сказал Глеб.

— Это подарки для двора. Серебряная посуда и мех.

Лю Кай приказал снять крышку, и двое служителей подели её ломиками. Внутри лежали свёртки в холсте.

Рощин проверил верхний свёрток. Там была серебряная чаша.

— Всё на месте.

Боро ударила костяшкой по боковой стенке сундука. Звук возле дна оказался глуше.

— Не всё.

Она вынула мех и нашла второе дно. Доска поднялась без инструмента. Под ней лежал плоский свёрток в красном шёлке.

Рощин побледнел.

— Этого не было.

— В сундуке, который открывали до дороги, — сказал Глеб. — Удобное место для того, чего не было.

Ли попыталась развязать шнур правой рукой, но пальцы не удержали узел. Глеб положил свёрток перед ней.

—левой.

Внутри оказалась нефритовая маска. Молодое мужское лицо вырезали так точно, что мастер обозначил даже небольшую впадину над правой бровью. Глаза закрыты, губы сжаты. По краю шла посмертная формула княжеского дома.

— Это не подарок, — сказал Савва.

— Посмертные маски не дарят живым, — сказала Ли.

— Чей образ? — спросил Лю Кай.

— Без родовой бирки не определить.

Рощин указал на русский знак, выжженный на внутренней стороне крышки сундука.

— Ящик шёл от нашего посольства. Если маску найдут во дворце, её признают русским грузом.

Ли поднесла пластину к щеке маски. Камень отозвался холодом, а на лбу проступила линия допуска. Её изготовили для человека с правом войти в закрытую часть двorca.

— Нефрит признан княжеским кругом, — сказала она.

— Нефритовый князь? — спросил Савва.

— Его дом.

Рощин сел на край ящика.

— Нас приглашают на приём к наследнику. На границе составлен приговор Глебу за его убийство. Теперь в русском сундуке находят посмертную маску молодого мужчины.

— Удобная последовательность, — сказал Глеб. — Осталось приехать вовремя.

Лю Кай повернулся к двери.

— Ворота закрыть. Груз задержать до распоряжения столу.

— Нет, — сказала Ли.

Комендант остановился.

— Я вижу подложенный предмет. Если оставить его здесь, спрятавшие маску получают время убрать следы.

— Я отвечаю за запрещённый груз.

— Тогда внесите маску в открытый протокол и передайте её под совместное хранение посольства и признанного свидетеля.

— Ваше имя уже связано с делом.

— Поэтому вы сможете доказать, что не прятали находку.

Лю Кай посмотрел на изменённые показания, которые пи-

сарь принёс на склад. После правки комендант лишился возможности решить дело один, но получил защиту от обвинения в сокрытии.

— Маска поедет в отдельном ящике, — сказал он. — С двумя печатями. Одна моя, вторая ваша.

— Согласна. Но ставьте условие на открытие, а не на движение. Иначе удар колеса задержит нас.

Лю Кай кивнул. Ли продиктовала формулировку. Писарь записал, что ящик можно открыть при представителе гарнизона или дворца и независимом свидетеле. Печать не запрещала путь.

Когда пришло время поставить имя, правые пальцы снова не послушались. Ли взяла кисть левой рукой.

Глеб стоял рядом и видел, сколько усилий уходит на каждый знак. Он не предложил закончить за неё. Подпись должна была остаться её.

— Криво, — сказал Савва.

— Читается?

— Да.

— Значит, переживём.

Комендант приложил печать гарнизона. Ящик закрылся, внутренние ворота начали открываться, а за стенами стемнело. Раненого уложили во вторую повозку, обоз готовился к выходу.

Боро задержалась возле пустого сундука. Она подняла красный шёлк, в который была завернута маска, и провела

пальцами по шву.

— Здесь что-то есть.

Внутри подкладки нашлась узкая полоска бумаги. На ней стоял номер русского дара и знак приёма в княжеском доме. Маску должны были провести во дворец как официальный подарок.

Ли снова открыла совместный ящик. Лю Кай был рядом, условие печати соблюдалось. Она перевернула маску.

Под подбородком оказалась вырезана дата.

Савва сверился с приглашением.

— Это день закрытого приёма.

— Он ещё не наступил, — сказал Рошин.

Ли провела ногтем по резьбе. Края успели потемнеть: дату вырезали не сегодня и не на дороге.

Маску для молодого мужчины изготовили заранее, спрятали в русском подарке и назначили ей день использования. До закрытого приёма оставалось меньше месяца.

Глава 6. Нефритовый обоз

Через девять дней после Шаньхайгуаня обоз остановился на постоялом дворе. Дождь быстро превратил землю в грязь, и последнюю повозку поставили под навес: раненый возница ещё не мог держать вожжи обеими руками.

Глеб дождался, пока Рошин уйдёт спорить о цене сменных лошадей, и вытащил из-под сиденья пустой сундук с русскими подарками. После находки маски его запечатали заново, но внутреннее дно оставили открытым.

— Опять ищешь то, чего там не было? — спросил Савва.

— Ищу место, где оно появилось.

Глеб поставил сундук на бок. Старый гвоздь возле скобы был вытасчен и заменён новым. Это они уже знали. Теперь он снял кожаную накладку и показал на засохшую грязь в углу.

— На Амуре такой нет.

Савва присел рядом.

— Грязь как грязь.

— Здесь мелкая ракушка.

Он выковырнул ногтем белую крошку. На тракте после Шаньхайгуаня дорога шла по плотной земле. Ракушечник встречался у внутренней заставы перед стеной, где обоз простоял половину дня под навесом.

— Там сундук снимали с повозки, — сказал Глеб. — Поставили на мокрый пол, открыли снизу и вернули.

— Почему именно там?

— До неё скоба была целой. После неё Боро заметила новый гвоздь.

Савва помолчал.

— Роцин говорил, что все ящики проверяли в его присутствии.

— Значит, либо он врёт, либо смотрел не туда.

— У посланников это называется доверием к помощникам.

— У дружинников — плохим караулом.

Глеб провёл пальцем по внутренней стенке. В щели осталась полоска синей бумаги. Такие бирки клеили на грузы, прошедшие внутреннюю проверку. Край был оторван, но часть знака сохранилась.

— Позови Роцина, — сказал он.

— Он сейчас занят важным делом.

Из конюшни донёсся голос посланника:

— За эту клячу я не дам серебро!

Хозяин двора ответил так громко, что слова не требовали перевода.

— Похоже, важное дело близко к завершению, — сказал Савва.

Роцин вошёл через несколько минут, сердитый после торга за хромую лошадь.

Глеб показал ему синюю бумагу.

— Сундук открывали на внутренней заставе.

Рощин взял обрывок, посмотрел на знак и вернул.

— Все подарки досматривали.

— Снизу?

— Я не лазил под каждый ящик.

— А твои люди?

— Двое были рядом.

— Имена.

Рощин нахмурился.

— Ты меня допрашиваешь?

— Пока спрашиваю. На допросе Савва будет записывать.

— Я уже приготовил бумагу, — сказал Савва.

Посланник сел на скамью. В общей комнате шумели его служители, хозяйева таскали миски, у печи кашлял раненый возница. Говорить о маске здесь было неудобно, но отдельную комнату занимал дорожный чиновник с двумя охранниками.

— Тех двоих я отправил вперёд, — сказал Рощин. — Один повёз письмо в столицу, второй заболел.

— И оба исчезли до находки маски.

— Один исполняет поручение.

— Какое?

Рощин посмотрел на Савву.

— Переводчик обязан хранить посольскую тайну.

— Я лекарь, — ответил Савва. — Тайны храню только те, которые не гниют.

Глеб придвинул сундук ближе.

— В русском грузе нашли посмертную маску. На ней дата приёма. На меня заранее написан приговор за убийство наследника. Можешь продолжать беречь тайну, но она уже плохо бережёт тебя.

Рощин провёл ладонью по лицу.

— Письмо было от княгини Юй Сулинь.

Глеб слышал это имя впервые.

— Кто она?

— Родственница Нефритового князя. Вдова из младшей ветви дома. Имеет доступ ко двору.

— Что ей нужно от русского посольства?

— Независимое свидетельство.

Савва перестал улыбаться.

— О чём?

— В письме не говорилось. Она обещала помочь с торговым доступом в Северной столице, если на закрытом приёме будут люди, не связанные с дворцовыми родами.

— Русские люди, — уточнил Глеб.

— И степной свидетель. Поэтому я согласился взять Боро официально.

— А меня?

Рощин отвёл взгляд.

— Твоё имя уже было в ответе из столицы.

— До того, как ты нанял меня.

— Да.

В общей комнате хозяин поставил перед ними чайник, но

к чашкам никто не притронулся.

— Юй Сулинь знала состав нашей группы раньше меня,
— продолжил Роцин. — Я решил, что сведения пришли с границы.

— Тогда ты уже видел странность, — сказал Глеб. — И молчал.

— Я вёз государственное посольство. Если бы я разворачивался при каждом странном письме, мы бы до сих пор стояли на Амуре.

— Ты получил обещание торговли.

— Получил возможность пройти к людям, которые иначе не стали бы со мной говорить.

— И что обещал взамен?

— Присутствовать. Смотреть. Подтвердить то, что увидим.

Савва подался ближе.

— Формулировка была именно такой?

— Да.

— Письмо сохранилось?

Роцин достал из внутреннего кармана сложенный лист. Печать была снята аккуратно. Он передал письмо Савве.

Ли вошла в комнату в тот момент, когда Савва начал читать. Правая рука у неё была перевязана мягкой тканью. К двум пальцам ещё не вернулась чувствительность, и чашку она брала левой.

— Продолжай, — сказала она.

Савва перевёл письмо полностью. Юй Сулинь обещала посольству доступ к торговому двору и право представить товары напрямую управляющим княжеского дома. Взамен требовались три независимых свидетеля на закрытом приеме. Их имена были вписаны заранее: русский посланник, степной человек и Ли Шэньюэ как свидетельница северной печати.

Глеба в письме не было.

— Он появился позже, — сказала Ли.

— В приглашении моё имя уже стояло, — напомнил Глеб.

— Письмо старше приглашения, — ответил Савва. —

Между ними тебя добавили.

Рощин постучал пальцем по столу.

— Письмо было выгодным, но не преступным. Иностран-ных свидетелей часто зовут туда, где местные связаны род-ством.

— Часто ли после этого в груз кладут посмертную маску хозяина? — спросил Глеб.

— Я не знал о ней.

Он не отвёл глаз. Рощин скрывал часть дела, но маска уди-вила его по-настоящему.

— Кто видел письмо? — спросила Ли.

— Я, мой писарь и человек, доставивший его.

— Где писарь?

— Едет впереди с отчётом.

Глеб посмотрел на неё. Она поняла без слов: один из лю-

дей, имевших доступ к письму, оказался на дороге к столице раньше обоза.

— Как его зовут? — спросил Глеб.

— Фёдор Лыткин.

— Описание.

Роцин назвал возраст, рост и заметный ожог на шее. Савва записал.

— Я не хочу обвинять своего человека без доказательств, — сказал Роцин.

— Тогда не обвиняй, — ответил Глеб. — Просто первым найди его.

— До столицы два дня пути. Если он не задержался, уже там.

Ли сложила письмо.

— Юй Сулинь хотела свидетелей заранее. Наследник или его семья готовили событие, которое двор не должен был контролировать полностью.

— Какое событие? — спросил Роцин.

— Узнаем на приёме, если наследник до него доживёт.

После этих слов за соседним столом стало тише. Русские служители не понимали всего разговора, но слово «наследник» знали. Роцин забрал письмо и приказал своим людям проверить повозки.

— Маска остаётся под двумя печатями, — сказал он. — Ночью у ящика будет мой караул.

— И наш, — добавил Глеб.

— Твои люди считают тебя человеком Ли.

— Это мешает им считать меня твоим.

— Ты вообще чей?

Глеб задумался лишь для вида.

— Пока свой. Бумаги спорят.

К ночи постоялый двор запер ворота. Раненого перенесли в людскую, лошадей поставили под навес. Документы и ящик с маской отнесли в единственную комнату, где окно закрывалось ставней изнутри.

Хозяин поставил там две лежанки. Рощин потребовал поселить свидетельницу отдельно, но Ли отказалась оставлять документы под охраной одного человека. Савва дежурил у раненого, а Боро заняла место в коридоре.

Глеб проверил ставню и просунул нож в щель между рамой и стеной. Если окно откроют снаружи, нож упадёт на пол.

Рощин посмотрел на две лежанки и начал возражать. Ли закрыла дверь перед его носом.

Комната была тесной. Ящик с маской занял место у стены. На низком столе лежали приглашение, копия свидетельства и письмо Юй Сулинь. Глеб сел возле двери, не снимая меча.

Ли попыталась развязать повязку, но правая рука не справилась. Он протянул ладонь.

— Дай.

— Я могу сама.

—левой можешь. Но дольше.

Она отдала ему конец ткани. Глеб размотал повязку и осмотрел пальцы. Цвет кожи не изменился, отёка не было.

— Чувствуешь?

— Мизинец полностью. Средний — наполовину. В безымянном чувствую только давление.

— Савва запретил работать кистью.

— Я и не работаю.

— Ты трижды доставала пластину за ужином.

— Привычка.

— Плохая.

— У тебя меч на коленях в запертой комнате.

— Хорошая.

Ли забрала руку, но не сразу. В тишине стало слышно, как дождь стучит по ставне.

Глеб перевязал пальцы заново. Потом отодвинулся и прислонился спиной к двери.

— На первой заставе ты скрыла знак отца. У ворот — запись про запас. Сейчас говоришь про семью наследника, но не про мальчика.

Ли посмотрела на него.

— Ты связал это сам.

— Я не читаю ваши знаки. Зато вижу, когда ты отвечаешь в обход вопроса.

— Мальчика звали Аньшэн. Врата признали его княжеской кровью, хотя в документах он сирота.

— И ты никому не сказала.

— Если бы сказала на заставе, его могли забрать прямо там.

— А сейчас?

— Сейчас он уже в столице или на закрытом пути к ней.

— Ты решила одна.

— Да.

Глеб медленно кивнул.

— Вот это и злит.

— Что я скрыла?

— Что не дала мне решить, можно ли разделить риск.

Ли не ответила сразу. За дверью Боро кашлянула, показывая, что коридор свободен.

— Хорошо, — сказала Ли. — С этого момента я называю улики, которые меняют опасность для группы. Даже если не уверена в их смысле.

— И цену своих правок.

— Если она влияет на дело.

— Для меня влияет.

Слова вышли проще, чем он собирался. Ли отвела взгляд к ящику с маской.

— Ты понимаешь, что это звучит не как разговор о карауле?

— Понимаю.

— Тогда скажи прямо.

Глеб усмехнулся без радости.

— Меня к тебе тянет. Давно. Я не делал из этого тайны

даже для себя.

Ли подняла глаза.

— Для меня делал.

— Я думал, ты и так знаешь.

— Я вижу условия печатей. Мужские мысли к ним не относятся.

— Это многое объясняет.

Она всё же улыбнулась. Потом положила левую ладонь на стол.

— Меня тоже тянет к тебе.

Глеб не двинулся. Между ними оставалось меньше шага. Но за дверью сидела Боро, в коридоре ходили люди Рощина, а у стены лежала посмертная маска человека, которого ещё не убили.

— Плохое место, — сказал он.

— И время.

— Ещё мы зависим друг от друга в дороге.

— И за нами следят.

— Значит, ничего не меняем до столицы.

— До выхода из этого дела, — поправила Ли. — В столице зависимость станет сильнее.

— Согласен.

— И не решаем за другого, что близость оправдывает цену.

— Особенно памятью.

Она посмотрела на чёрный след под его рукавом.

— Особенно памятью.

Договор получился без печати. Глебу это понравилось больше всего.

Он встал и проверил окно. Нож оставался на месте. Снаружи прошли шаги, потом затихли возле стены.

Глеб подал Ли знак молчать и открыл ставню одним движением. Под окном никого не было. В грязи виднелись свежие следы, уходившие к конюшне.

На наружном крючке висел сложенный лист.

Боро вошла, услышав скрип.

— Человек ушёл через задний двор, — сказала она. — Лёгкий. Без лошади.

Глеб снял бумагу и закрыл ставню. Это была копия дворцового расписания. Напротив закрытого приёма стояли имена гостей, время входа и порядок появления наследника.

Рощина вызвали из соседней комнаты. Савва пришёл следом, вытирая руки после перевязки.

— Это мог оставить наш писарь? — спросил Глеб.

Рощин изучил почерк.

— Нет. Дворцовая рука.

— Наблюдатель хотел, чтобы мы нашли лист, — сказала Ли.

Савва прочёл последнюю строку и нахмурился.

— Возле имени наследника есть помета.

— Какая? — спросил Рощин.

Савва провёл пальцем по знакам.

— «Последнее появление в собственном теле».

В комнате никто не пошутил. За стеной фыркнула лошадь, а дождь продолжил стучать по ставне, под которой неизвестный оставил им расписание чужой смерти.

Глава 7. Приём за нефритовой ширмой

К Нефритовому залу посольство подвели после заката. От городских ворот до дворца ехали больше двух часов: каждая внутренняя улица закрывалась своим караулом, а красная метка на запястье Глеба вспыхивала у каждого прохода.

Перед залом у гостей забрали оружие. Ящик с нефритовой маской проверили дважды и оставили под совместной печатью гарнизона и Ли. Северное свидетельство Ли отказалась выпускать из рук. Служитель поставил меч Глеба в стойку под номером, которого тот не понял.

— Скажи, чтобы не перепутал, — попросил Глеб Савву.

— Здесь три русских меча, и только твой с выбоиной у гарды.

— Тем более. Остальные два хуже.

Ли несла футляр с северным свидетельством в левой руке. Средний и безымянный пальцы правой уже сгибались, но прикосновения она чувствовала плохо. Перед входом служитель провёл по её ладони тупой иглой. Ли заметила нажим только по следу на коже и не сказала об этом. В рукаве лежала нефритовая пластина. Кисть-клинок и рабочую иглу пришлось оставить у входа.

За первой дверью гостей разделили. Рощина поставили в

круг посольских лиц, Боро отвели к независимым свидетелям. Савва получил место между кругами. Глеба остановили возле боковой колонны.

Писарь прочёл его дощечку.

— Наблюдаемый чужак, — перевёл Савва. — В зал допускается, но говорить может только после вопроса.

— Наконец нашли занятие, которое мне подходит.

— Молчать?

— Наблюдать за теми, кто уверен, что я молчу.

Перед каждым гостем стояла чаша из светлого нефрита. Служитель наливал воду. Гость касался края пальцами и отвечал на один вопрос. Если слова противоречили тому, что он сам считал фактом, вода темнела, а дверь за его спиной закрывалась.

Ритуал не заставлял раскрывать смысл. Он лишь запрещал прямую ложь.

Дворцового казначея спросили, принёс ли он вещь, не внесённую в список.

— Всё, что я принёс, учтено моей службой, — ответил он.

Вода осталась прозрачной. Вопрос касался дворцового списка, ответ — списка самого казначея.

Женщину в зелёном спросили, встречалась ли она сегодня с людьми военного дома Гао.

— Сегодня я не входила ни в один дом, принадлежащий Гао.

Вода снова не изменилась. Встреча могла пройти в саду

или повозке.

Ли следила за Цзинь Хуаем. Регент сидел справа от нефритовой ширмы. Он не требовал общей правды, а выбирал участок, который входил в протокол.

Рощина спросили:

— Русское посольство привезло все дары, указанные в перечне?

— Все дары, которые мы приняли при отправлении, были во дворец.

Вода сохранила цвет. Посмертную маску посольство при отправлении не принимало.

Цзинь указал на запечатанный ящик у стены.

— В нём есть предмет, не названный в русском перечне?

— Есть предмет, обнаруженный после нападения на обоз.

— Его происхождение известно?

— Мне неизвестно, кем он был положен в русский сундук.

Цзинь услышал границу ответа, но уточнять не стал. Слова уже вошли в протокол. Рощин не солгал, однако зал теперь подтверждал лишь его незнание о человеке, положившем маску. О назначении самой маски вопроса не было.

Боро спросили, служит ли она русскому посольству.

— Пока они кормят мою лошадь, я еду рядом.

— Вы получаете приказы от Рощина?

— Нет.

Вода осталась светлой. Когда Боро прошла, Рощин тихо спросил Савву, зачем тот оформлял ей жалованье.

— Чтобы кормить лошадь. Она предупредила.

Ли подошла к своей чаше.

— Вы вправе говорить от имени клана Ли? — спросил писарь.

— Я последняя признанная мастерица этого клана.

Вода дрогнула.

— Это не тот вопрос, — заметил Цзинь Хуай. — Существует ли сейчас клан, чьё согласие вы можете выразить?

— Люди, имевшие право дать мне такое согласие, погибли.

Вода осталась прозрачной. Цзинь получил нужную границу: Ли обладала знанием, но не могла прикрыть решение волей мёртвого рода.

— Вы привезли свидетельство о повреждении северной печати?

— Да.

— Оно содержит обвинение против дворцовой власти?

— Оно содержит последствия действий людей с государственными полномочиями.

— Ваш ответ точен.

— Здесь это считается недостатком?

— Здесь точность считают оружием. Поэтому оружие оставляют у двери.

Глеб оказался последним.

— Вы прибыли причинить вред наследнику? — спросил писарь.

— Нет.

Вода стала холоднее, но не потемнела. Красная метка на его запястье на миг соединилась с краем чаши.

— Вы подчиняетесь распоряжениям Ли Шэньюэ? — спросил Цзинь.

— Когда они разумны.

Савва перевёл и кашлянул, скрывая улыбку.

— Кто определяет разумность?

— Обычно последствия.

Глеба пропустили к боковой стене. Писарь провёл кистью по полю допуска, и знак у двери сменил цвет. Теперь Глеб мог находиться в зале, но любое его слово без прямого вопроса не считалось свидетельством и могло быть истолковано как нарушение порядка.

Нефритовая ширма закрывала середину возвышения. Между пластинами оставались узкие щели, за ними виднелся силуэт сидящего мужчины.

Юй Жэньсю вышел после третьего гонга. Он оказался моложе, чем на посмертной маске. На лице ещё не было впадины под правой бровью — той самой, которую мастер вырезал с такой уверенностью.

Ли заметила у него на шее след от иглы. Такой же был у мальчика Аньшэна на внутренней заставе.

Наследник сел перед ширмой. Справа остался Цзинь Хуай, слева стояла женщина в тёмно-зелёном платье. Роцин узнал её и поклонился глубже.

Юй Сулинь не посмотрела в его сторону. Лишь её пальцы сжали край рукава, когда служитель положил письмо Роци-на перед регентом. Ли заметила жест и запомнила.

— Иностранные свидетели прибыли вовремя.

Писарь записал фразу без вопроса.

Роцин передал письмо Сулинь. Цзинь прочёл печать и по-ложил лист под ладонь.

— Торговые вопросы рассмотрят после церемонии.

— Нас приглашали не ради торговли, — сказала Ли.

Цзинь не повысил голоса.

— Вас пригласили передать свидетельство о северной печати.

— Тогда примите его до даров.

— Северный доклад поставлен после приветствия посольства.

— В нашем расписании он стоял раньше.

— У вас была копия внутреннего расписания?

Если Ли признает лист, придётся назвать источник. Неизвестный наблюдатель станет частью дела, хотя они не знали его лица.

— У нас был лист без подтверждённого происхождения.

— Он не определяет порядок дворца.

Служитель потянулся к футляру. Ли не выпустила его.

— Свидетельство нельзя отделять от свидетеля до принятия копии.

— Его не изымают. Его ждут.

— Бумагу можно заменить, пока она ждёт.

Глеб у стены сдвинулся на полшага. Стража заметила движение.

Юй Жэньсю поднял руку.

— Пусть футляр останется у мастерицы.

Цзинь посмотрел на него.

— Ваше высочество, порядок объявлен.

— Я определяю хранителя до доклада.

Писарь записал слова, служитель отступил, и наследник задал следующий вопрос:

— Северная печать удержалась?

— Да, но прежнее условие разрушено.

— Люди согласились на новое?

— Те, кого оно касается, дали согласие при свидетелях.

— Его можно отозвать?

— Можно. Тогда им придётся принять последствия.

Юй Жэньсю смотрел на правую руку Ли.

— Если человек добровольно принимает смерть, может ли его смерть свидетельствовать против закона, который не оставил другого выхода?

Цзинь повернулся к нему.

— Этот вопрос не относится к северной печати.

— Он относится к свидетелю.

В зале буквальной правды любой ответ мог стать частью будущего решения.

— Добровольная смерть говорит о выборе человека, —

сказала Ли. — Против закона свидетельствует доказательство того, что безопасного отказа не было.

— А если отказ оставлен после смерти?

— Тогда нужно установить, кто составил слова и мог ли умерший изменить решение до последнего момента.

Юй Жэньсю будто ждал именно этого.

— Значит, одной крови недостаточно.

— Для власти её часто считают достаточной. Для согласия — нет.

Цзинь положил ладонь на край стола.

— Северный доклад будет принят завтра. Сейчас двор приветствует посольство.

Писарь записал перенос. Нефритовая пластина у трона от-
ветила звоном. Теперь возврат к докладу считался нарушением ритуала.

Русские дары внесли по одному. Роцин назвал серебряную чашу, мех и резную шкатулку. У стены открыли ящик с нефритовой маской. Цзинь осмотрел её, но не позволил поднести наследнику.

— Предмет не значится даром. Его передадут следствию после приёма.

Роцин вынул из малого ларца стальную печать. Её изготовили для будущего русского торгового двора: на одной стороне был государев знак, на другой оставили поле для местного названия. Печать значилась в списке.

Служитель положил её на красную подушку.

Юй Жэньсю протянул руку, но пальцы остановились над сталью. Плечи обмякли, вдох оборвался, и чаша возле него опрокинулась.

Наследник качнулся назад и исчез за нефритовой ширмой. Каменные пластины ударились друг о друга.

— Никому не двигаться! — приказал Цзинь.

Стража закрыла двери. Двое схватили Рощина. Ещё четверо пошли к Глебу, потому что он уже двигался.

Ли первой добралась до ширмы. Служитель попытался остановить её, но Глеб встал между ними. Оружия у него не было. Он перехватил древко копья и прижал к полу. Второй стражник поднял клинок, однако Глеб не ударил. Он лишь развернулся так, чтобы закрыть Ли спиной и оставить ей проход к наследнику.

— Она лекарь по печатям.

— Я не лекарь, — ответила Ли.

— Сейчас не время для точности.

— Здесь всегда время для точности.

Она опустила голову возле Юй Жэньсю. Его глаза оставались открытыми, зрачки сузились, а пульс на шее едва бился.

— Яд остановил мышцы. Он жив.

— Какой яд? — спросил Цзинь.

— Тот, который должен оставить разум внутри неподвижного тела. Название скажет лекарь после проверки.

Придворный лекарь подбежал с иглами. Его помощник потянулся к опрокинутой чаше, но Ли велела накрыть её и

не вытирать стол. Потом пропустила лекаря к шее, а сама расстегнула верхнюю застёжку одежды наследника.

На груди проступала красная схема. Две дуги сходились у сердца, между ними шёл короткий разрез. Ли знала эту форму по записям отца. Так отмечали аварийный выход: если носитель терял возможность говорить и двигаться, печать звала внешнего свидетеля и открывала последнее сохранённое условие.

Знак не должен был убивать. Он сохранял последнее условие до прихода свидетеля. Но здесь его связали с остановкой тела и будущей смертью, будто заранее знали, в какую минуту наследник лишится голоса. Его встроили в смерть, чтобы её заметил человек вне дворцового круга.

Красная линия тянулась от груди наследника к русской стальной печати.

— Уберите дар, — приказал Цзинь.

Служитель потянулся к стали. Ли остановила его.

— Не касайтесь. Это якорь.

— Русская печать отравлена? — спросил Роцин.

— Яд уже в теле. Сталь удерживает вызов свидетеля.

— Чьей техникой? — спросил Цзинь.

Ли провела пальцем над разрезом и увидела внутреннюю черту. Отец всегда оставлял её сбоку, как дверь для последней ошибки. Та же рука была в приглашении.

Пульс исчез.

Придворный лекарь ввёл иглу под ключицу. Сердце не от-

ветило.

— Назовите свою компетенцию, — потребовал Цзинь.

Если Ли признает себя способной читать знак, двор получит право удержать её в деле. Если откажется, тело закроют вместе с уликой.

Глеб всё ещё прижимал копьё стражника к полу. Он не смотрел на неё, но оставлял место для решения.

— Я Ли Шэньюэ, признанная мастерица печатей клана Ли. Я способна прочесть аварийный знак на теле наследника и свидетельствую: яд остановил движение, но не создал эту схему.

Нефритовая ширма ответила звоном. Слова стали частью дела.

— Мастерица остаётся у тела, — распорядился Цзинь. — Русское посольство задержать. Закрыть зеркала.

Из стен начали выдвигаться тёмные створки. Они закрывали зеркальные панели, чтобы память зала не вышла наружу.

Ли подняла голову. В последнем открытом зеркале отражался Юй Жэньсю, лежавший у её колен. В отражении его грудь не двигалась, но глаза медленно открылись.

Мёртвый наследник смотрел на Глеба, пока тёмная створка не закрыла зеркало.

Глава 8. Человек для казни

Глеба вывели из Нефритового зала первым. Два стражника держали его за локти, третий шёл сзади и нёс русскую стальную печать на красной подушке. На запястье Глеба горела прежняя метка наблюдаемого чужака, но теперь от неё к шее тянулась красная нить.

У первой двери нить затянулась. Ноги остановились сами, хотя он продолжал переносить вес вперёд. Колени дрогнули, сапоги прижало к камню.

— Удобно, — сказал Глеб. — Раньше вы хотя бы держали руками.

Стражник приказал молчать. Красная нить сжала горло, и воздух вырвался коротким кашлем. Метку наблюдения превратили в печать подчинения, не меняя знака на коже. Для этого хватило нового приказа в дворцовом реестре.

Савву вели следом со связанными руками, а Рощин шёл между копейщиками. Ли осталась у тела наследника.

— Не сопротивляйтесь, — сказал Савва по-русски. — Они считают любое движение признанием опасности.

— Значит, меня уже уважают.

Их развели в разных переходах. Глеба повели вниз, туда, где стены были сложены из тёмного камня. В каждой арке висела металлическая пластина. Когда он проходил под ней, красная нить на шее проверяла приказ и снова ослабевала.

В камере не было решётки. Дверной проём оставался открытым, но поперёк пола шла медная полоса. Глеб попробовал наступить на неё. Метка ударила болью под челюстью и вернула ногу назад.

Стражник поставил у стены стальную печать.

— Зачем она здесь? — спросил Глеб.

Ответа он не получил. Дверь закрыли деревянной створкой, хотя сама створка ничего не удерживала. Запирала его строка в реестре.

Через несколько минут пришёл следователь. Невысокий мужчина с седой полосой в волосах сел за стол и разложил три листа. Рядом встал переводчик, которого Глеб прежде не видел.

— Назовите имя, — сказал следователь.

Глеб назвал.

— Вы прикоснулись к русской стальной печати перед падением наследника?

— Нет.

Переводчик передал ответ. Следователь записал, что обвиняемый отрицает объяснение способа.

— Я этого не говорил.

— Я передаю смысл, — ответил переводчик.

Металлическая пластина звякнула, и красная нить снова сдавила горло Глеба.

— В зале вы двигались без приказа, — продолжил следователь. — Почему?

— Ли нужна была дорога к наследнику.

— Вы признаёте, что заранее действовали вместе?

— Мы приехали вместе.

— Значит, подтверждаете общий замысел.

Глеб понял: здесь спрашивали не ради ответа. Каждый новый вопрос превращал прежние слова в нужное признание. Протокол был готов, следовательно оставалось заполнить места между обвинением и казнью.

— Где Савва? — спросил Глеб.

— Переводчик русского посольства дал ложное толкование распоряжения регента. Его дело закончено.

— Какое распоряжение?

— Оставаться на местах после падения наследника.

— Он его перевёл.

— Русские продолжили движение. Перевод исказил приказ.

Глеб вспомнил, что Савва тогда стоял возле Рощина и не успел сказать ни слова. Команда прозвучала на дворцовом языке, но Глеб двинулся раньше перевода.

— Савва не отвечал за мои ноги.

Следователь записал.

— Обвиняемый подтверждает, что действовал самостоятельно.

— Это правда.

— Самостоятельное действие подтверждает личный умысел.

Глеб усмехнулся.

— Из любого ответа у тебя получается убийство.

Дверь открылась, и двое стражников вывели Савву в переход. На его дощечке появился чёрный знак.

Глеб узнал знак казни. Такие же ставили на телах разбойников у пограничных дорог.

— Куда его ведут?

— Исправить ошибку перевода перед законом.

Савва услышал русский вопрос и повернул голову.

— Глеб, сиди спокойно. Здесь это редкое умение. Попробуй освоить.

Один из стражников дёрнул его за ленту. Савва споткнулся, но удержался на ногах.

— Он не искажал приказ, — сказал Глеб.

— Исполнение уже подтверждено.

Следователь показал второй лист. Внизу стояла печать, а место для времени оставалось пустым. Такой же приговор они нашли на первой заставе.

— Решение было до допроса.

— Решение принято на основании события.

— Тогда зачем спрашивать меня?

— Чтобы установить степень вины остальных.

Глеб посмотрел на стальную печать у стены. От неё шла едва заметная красная черта к пластине над дверью. Сталь оставалась якорем дворцового вызова, но теперь её включили и в тюремный приказ. Пока она лежала в камере, метка

Глеба знала, где он должен стоять.

Он мог коснуться якоря и разорвать узел. Цена придёт сразу. Печать Чёрного Неба заберёт память, связанную с тем действием, которое он отменит.

Савва исчезал за поворотом.

Глеб шагнул к стальной печати. Красная нить дёрнула его назад. Он упал на колени, но вытянул руку и коснулся холодного металла кончиками пальцев.

Узел оказался простым. Приказ говорил: наблюдаемый чужак обязан остановиться по воле внутренней стражи. Металлическая пластина повторяла эту волю в каждом переходе.

Глеб не ломал пластину и не снимал метку. Он разорвал связь между приказом и своим телом.

Ничего не вспыхнуло. Красная нить на шее ослабла и упала на грудь следом обычной краски. Металлическая пластина звякнула один раз.

В памяти открылось место, которое сразу начало пустеть.

Глеб знал, что когда-то стоял перед дружинным старшиной. Помнил деревянную церковь рядом, мокрый снег на сапогах и ладонь на рукояти меча. Помнил, что произнёс первую присягу и после неё стал дружинником.

Слова исчезли. Он попытался повторить хотя бы начало, но не нашёл ни одного.

Следователь отступил.

— Остановить его!

Глеб поднялся, перехватил копьё первого стражника и толкнул его в стену. Дверная створка без приказа стала обычной доской. Он выбил её наружу, но копьё не взял: вооружённый побег подтвердил бы готовый протокол. Со стола Глеб забрал приговор Савве.

— Переводчик, читай.

— Я не обязан.

Глеб положил ладонь на край стола рядом с его пальцами.

— Сейчас ты особенно свободен.

Переводчик прочёл: свидетелем значился служитель, которого рядом не было, а время проступка стояло раньше падения Юй Жэньсю. Протокол назначил виновного заранее и подогнал под него событие.

Глеб вышел в переход. Метка больше не удерживала ноги, но каждая металлическая пластина отмечала его движение звоном. Стража услышит путь.

За поворотом Савву уже поставили на колени перед низкой дверью. За ней находился двор, ограждённый белой стеной. Палач проверял тяжёлый меч, проводя тканью по лезвию.

— Поднимайся, — сказал Глеб.

Савва посмотрел на него.

— Я просил сидеть спокойно.

— Не получилось.

— Тогда помоги. Колени промокли, а умереть простуженным будет обидно.

Глеб толкнул первого стражника в стену, а второму не дал ударить в колокол. Палач видел, что русский без меча, и ждал приказа.

— Исполнение подтверждено, — сказал палач.

— Покажи имя свидетеля.

— Приговор опечатан.

— Время проступка записано раньше самого проступка.

Палач не понял русского. Савва перевёл, стоя на коленях, и добавил от себя несколько слов.

— Что ты сказал?

— Что ошибка во времени делает казнь личной ответственностью палача.

Палач опустил меч.

— Хороший перевод.

— На этот раз старался.

Глеб сорвал деревянный шпенёк с дощечки Саввы. Связь ослабла, и шёлковая лента разошлась без разрыва печати.

— Рощин где?

— В зале дознания наверху. Его пока берегут для официального признания.

— Ли?

— У тела. Пока она числится мастером, её не могут вывести.

В конце перехода появились копейщики. Глеб мог уйти через казённый двор: за белой стеной слышались лошади. Метка подчинения больше не работала, а ворота держала

обычная задвижка.

Савва посмотрел туда же.

— Бежать будем?

— Нет.

— Хорошо. Я уже устал.

Глеб поднял с пола лист приговора.

— Веди к Цзинь Хуаю.

— Нас туда не пустят.

— Пойдёшь впереди и будешь говорить вежливо.

— Только что за это казнили.

— Второй раз за ночь не станут. Бумагу жалко.

Они пошли навстречу страже. Глеб держал руки открытыми, пока первый копейщик не приказал лечь на пол.

— Передай: я мог уйти, но пришёл требовать регента. И приговор составлен заранее.

Савва перевёл.

— Велели лечь на пол.

— Значит, услышали.

Глеб остановился. Десять копий смотрели ему в грудь. За спиной оставался открытый двор, но он не двинулся к нему.

— Позовите Цзиня. Или я пройду сам, и тогда объяснять сломанные двери придётся вам.

Савва перевёл без украшений. Старший стражи изучил погасшую нить на шее Глеба и отправил человека наверх.

Ждать пришлось недолго. Цзинь Хуай появился в сопровождении внутренней охраны. Его одежда после приёма не

изменилась, но на рукаве была кровь наследника.

— Вы разорвали дворцовую печать, — сказал он.

— Я разорвал приказ остановиться.

— Освободили осуждённого.

— До события, за которое его осудили, оставалось полчаса.

Глеб передал лист Савве. Тот показал время и имя свидетеля.

Цзинь прочёл. На его лице ничего не изменилось.

— Ошибка писаря не отменяет вины.

— Тогда спроси Савву, переводил ли он приказ до моего движения.

— Слова сообщника не являются независимым свидетельством.

— В зале есть зеркала.

— Они закрыты.

— Открой.

Цзинь посмотрел на него дольше.

— Вы понимаете, что сейчас требуете дворцовой проверки после нападения на наследника?

— Я требую не рубить голову человеку раньше проверки.

— А если зеркало подтвердит обвинение?

— Тогда у тебя останется палач.

Савва перевёл последнюю фразу и тихо сказал:

— Я бы выбрал другое утешение.

Цзинь велел вернуть их в зал дознания. Теперь Глебу на-

дели металлический ошейник. Внутри шла кровная нить, которая должна была стянуть горло при попытке разорвать замок. Он позволил закрепить его и не сопротивлялся.

Рощина заставляли подписать признание, что русская печать предназначалась для воздействия на тело наследника.

— Не подписывай, — сказал Глеб.

— Не собирался. Они даже звание написали неверно.

Ли вошла вместе с двумя лекарями. Правую руку она держала у груди. Увидев ошейник и свободного Савву, сразу поняла, что случилось.

— Что ты разорвал?

— Приказ стоять.

— Цена?

Глеб хотел ответить, что всё в порядке, но вспомнил их договор.

— Первую дружинную присягу. Сам факт помню. Слова ушли.

Ли закрыла глаза на миг.

— Ты снова решил за всех.

— Савву вели на казнь.

— Я не говорю, что надо было ждать. Я говорю, что ты мог дать ему выбор.

Савва поднял связанные руки.

— Я выбираю жить. Можно записать задним числом, здесь так принято.

Ли посмотрела на него, потом на Глеба.

— Больше не рви узел ради нас, пока мы можем ответить.

— Если времени нет?

— Тогда хотя бы не называй цену небольшой.

Цзинь положил на стол три листа: приговор Глебу, обвинение Роцину и отменённый приказ о казни Саввы.

— Исполнение переводчику приостановлено. Русский посланник остаётся под стражей. Ли Шэньюэ сохраняет доступ к телу как признанный мастер.

— А Глеб? — спросила Ли.

— Он обвиняется в убийстве наследника, нарушении дворцовой печати и освобождении осуждённого.

— Наследник умер до разрыва тюремного узла.

— Поэтому обвинения разделены.

— Вы уже решили казнить его на границе, — сказал Савва. — Мы нашли бланк.

Цзинь не стал отрицать.

— Двор получил предупреждение о возможном нападении русского. Приговор подготовили на случай подтверждения угрозы.

— Удобный случай, — сказал Глеб. — Осталось поставить дату.

— Она поставлена.

Цзинь развернул лист. В пустом месте теперь стоял третий день от нынешней ночи.

— До казни три дня. Если мастерица докажет иной ход событий, дело пересмотрят. Если нет, приговор исполнят на

рассвете четвёртого дня.

— Трёх дней мало, — сказала Ли.

— Наследник мёртв. Двор нельзя оставить без решения дольше.

Цзинь велел принести зеркало из Нефритового зала. Два служителя поставили его напротив Глеба. Серебряная поверхность была закрыта чёрной тканью и опечатана по краям.

— Это последнее отражение до закрытия памяти зала, — сказал Цзинь. — Оно ответит, почему подозрение направлено на русского.

Служитель снял печать. Ткань упала.

В зеркале появился Юй Жэньсю. Он лежал за нефритовой ширмой, но отражение сидело прямо. Глаза были открыты и смотрели на Глеба.

Губы наследника шевельнулись. Голос прозвучал из серебра тихо, однако каждый в зале услышал перевод на своём языке:

— Русский сделал то, о чём я его не просил.

Отражение погасло. На металлическом ошейнике Глеба замкнулась кровная линия, а писарь вписал в приговор окончательное основание казни.

Часть 2. Двор, где все говорят правду

Глава 9. Три дня до плахи

На рассвете Глеба вывели из камеры и провели через караульный двор. Металлический ошейник сидел плотно, но дышать не мешал. Красная линия под его краем ждала приказа. У стены плотник уже проверял плаху, хотя до казни оставалось три дня.

— Быстро работаете, — сказал Глеб. — Виновного ещё ищут, а доска готова.

Савва шёл рядом под охраной. На его запястьях оставались следы от вчерашней ленты.

— Доска ни в чём не сомневается, — перевёл он ответ стражника. — Поэтому ей доверяют больше, чем нам.

Временную следственную комнату устроили в бывшей счётной палате. Из неё вынесли мешки с зерновыми бирками, но запах пыли остался. Цзинь Хуай сидел за низким столом. Справа стояла Ли Шэньюэ, слева ждал незнакомый чиновник с архивной дощечкой. Рощина в комнате не было.

— Где посланник? — спросил Глеб.

— Под стражей, — ответил Цзинь. — Его положение за-

висит от вашего поведения.

— Значит, он заложник.

— Он отвечает за людей своего посольства.

— Удобное слово. На границе меня тоже записали оружием.

Цзинь не стал спорить и сразу назвал условие:

— У вас три дня. Назовите отдельного виновника и докажите, что его действие привело к смерти наследника. Иначе приговор русскому будет исполнен. Посланник и переводчик будут признаны сообщниками.

Савва наклонился к Глебу и тихо уточнил:

— Переводчик — это я. Вдруг у них есть запасной.

— Ты вчера уже был запасным для палача.

— Неудачная должность. Жалованья нет.

Глеб посмотрел на Цзиня.

— Что значит «докажите»?

— Представьте предмет, запись или свидетельство, которое двор признает достаточным.

— Кто решит, достаточно ли?

— Я.

— Тогда можно сразу идти во двор.

— Можно. Но через три дня вы вернётесь туда связанным.

Цзинь говорил спокойно. Ему требовалось решение, которое двор сможет принять до борьбы за место наследника. Глеб сел напротив и положил связанные руки на стол.

— Мне нужны Ли и Савва. Нужен доступ к телу, зеркалам

зала и списку всех, кто был на приёме. Ещё хочу поговорить с Роциным без вашего переводчика.

— Ли Шэньюэ остаётся мастером при теле. Савва может переводить под надзором. Зеркала откроют только по отдельному запросу. Список свидетелей вы получите.

— И люди кухни.

Чиновник с дощечкой поднял кисть, но не записал. Цзинь ответил вместо него:

— Кухня не участвовала в приёме.

— Наследник пил из чаши.

— Чашу проверили.

— Тогда разговор с чашником ничего вам не испортит.

— Людей кухни включают, если архив подтвердит их связь с залом.

— А зеркальный коридор?

— Он закрыт.

— Там было что закрывать.

Ли посмотрела на Глеба, предупреждая, что Цзинь может урезать допуск. Глеб понял и не стал давить дальше.

— Дайте список. После него решим, куда идти.

Цзинь подвинул договор, и Савва прочёл его вслух. Глеб получал право вести дознание во внутреннем городе, но не мог покидать дворцовые стены, брать оружие и ломать действующие печати. Все найденные сведения следовало передавать архивисту. За нарушение границ Роцин лишился защиты посольского статуса.

— Защиты от чего? — спросил Глеб.

— От обвинения в доставке орудия убийства.

— Вы держите его виновным, чтобы мы были послушнее.

— Я держу его живым, пока вы ищете иное объяснение.

Рощину от этой разницы легче не становилось. Глеб потребовал увидеть его до начала работы.

— После принятия условий, — сказал Цзинь.

Ли взяла договор левой рукой. Два пальца правой ещё двигались медленно.

— Здесь нет ограничения на медицинский осмотр тела и запрета обсуждать улики внутри группы.

— Верно.

— Добавьте, что Глеб не обязан принимать приказ от архивиста.

Незнакомый чиновник поднял глаза.

— Я не отдаю приказы.

— Тогда строка вам не помешает, — сказал Глеб.

Цзинь велел внести уточнение. Архивист запретил себе отдавать Глебу обязательные распоряжения лишь во время дознания, оставив лазейку для остального времени.

— Перепиши проще, — сказал Глеб.

— Запись соответствует дворцовому языку.

— Поэтому я и прошу проще.

Савва перевёл требование. Архивист посмотрел на Цзиня, получил кивок и написал новую строку.

Глеб коснулся договора. Красная линия поднялась с бу-

маги и вошла под ошейник. Металл потеплел: теперь узел держался на принятом соглашении, а цена разрыва пришла бы за нарушенное слово.

— Имя архивиста, — сказал Глеб.

Чиновник поклонился и представился:

— Чэнь Цзыцзин. Я буду сопровождать дознание и вносить допустимые сведения в дворцовый архив.

— А недопустимые?

— Они не входят в архив.

— Исчезают?

— Остаются неподтверждёнными.

— Даже если человек видел их своими глазами?

— Глаз не имеет служебной печати.

Савва вздохнул и покачал головой.

— Наконец встретил человека, который умеет не верить себе по правилам.

Чэнь принял замечание без обиды. Цзинь поднялся и велел открыть дорогу к уликам.

— До первого дневного удара вы получите тело и список. Посланник останется в камере. Каждый вечер Чэнь передаст мне запись. На третий день, до заката, вы назовёте виновного.

— Отдельного виновника, — напомнил Глеб.

— Да. Двор не примет обвинение против порядка, рода или учреждения. Требуется человек, чьё действие можно отделить от остальных.

— Даже если порядок дал ему оружие?

— Сначала найдите руку.

После ухода Цзиня Глеб повернулся к Ли.

— До тела ещё есть время. Проверим ошейник.

— Без разрыва, — сказала она.

— Я помню.

— Слова присяги уже не помнишь.

— Поэтому повторять не стану.

Чэнь хотел возразить, но Глеб попросил его отойти к двери и дать простой приказ.

— Остановись, — нехотя произнёс архивист.

Металл сжал шею. Ноги Глеба замерли в середине шага, хотя руками он двигать мог.

— Отмени.

— Можешь идти.

Ошейник отпустил. Глеб сделал ещё один шаг.

— Теперь скажи, что мне было бы разумно сесть.

Чэнь повторил. Глеб остался стоять.

— Скажи Савве, чтобы он велел мне сесть.

— Савва, прикажи ему сесть.

Ошейник не отозвался: приказ был обращён к Савве, хотя скрытый смысл касался Глеба.

— А теперь прямо, — сказал Глеб.

Савва расправил плечи и произнёс с важным видом:

— Глеб Воронец, сядь и постарайся хотя бы минуту не создавать государственных затруднений.

Колени подогнулись. Он сел на край стола.

— Вторую часть ошейник не понял, — заметил Глеб.

— Потому что она невыполнима, — ответил Савва.

Ли присела рядом и провела пальцем возле замка, не касаясь металла.

— Он ловит названное действие. Намёк и скрытое следствие не удерживают. Но прямой приказ от признанного участника дознания выполнит.

— Значит, говорите осторожно.

— Это больше касается тебя. Перед разрывом печати называешь нам узел и возможную цену.

— Если есть время.

— Если можешь произнести два слова.

— Договорились.

— Чэнь, внесите это.

Архивист поднял кисть, но напомним:

— Личное соглашение не относится к делу.

— Относится, если Глеб лишится памяти и забудет улику, — сказала Ли.

Чэнь записал, что обвиняемый обязан сообщать группе о намерении повредить печать, и добавил: условие дано добровольно.

— Теперь даже забота о тебе хранится в архиве, — сказал Савва. — Сам бы ты потерял.

Ли разрешила Глебу встать, и ошейник сразу отпустил. Их повели к камере Рощина через караульный двор. На площа-

ди меняли ночную стражу. Плаху убрали под навес, но плотник остался и подгонял деревянный паз.

— Он получит плату, если казни не будет? — спросил Глеб.

— Получит за готовность, — ответил Чэнь.

— Единственный человек во дворце, которому выгодно работать зря.

Рощина держали в комнате с окном во двор. Печать на пороге не выпускала его дальше двух шагов. Посланник выглядел уставшим, но одежду привёл в порядок.

— Наконец, — сказал он. — Мне предложили признаться, что стальная печать была русским оружием.

— Ты отказался?

— Попросил сначала вернуть её в опись даров. Они не оценили последовательность.

Савва перевёл Чэню, и архивист сделал запись. Рощин раздражённо посмотрел на него.

— Не всё надо писать.

— Тогда не говорите при архивисте, — ответил Чэнь.

— А когда его не будет?

— Я обязан присутствовать.

Рощин перевёл взгляд на Глеба.

— Ты привёл человека, который не умеет уходить.

— Зато он умеет оставлять место пустым.

Глеб показал договор. Рощин прочёл перевод.

— Если вы выйдете из внутреннего города, меня обвинят?

— Да.

— Если сломаете печать?

— Да.

— Если не найдёте убийцу?

— Нас троих казнят. Ли оставят объяснять, почему.

— Хороший договор. Видно, что обсуждали без меня.

Глеб не стал оправдываться и сразу спросил о писаре:

— Мне нужен Фёдор Лыткин. Ты отправил его вперёд.

— Я уже спрашивал. Во дворец он не явился.

— Куда должен был прийти?

— В русский гостевой двор и передать отчёт службе переводов.

— Письмо Юй Сулинь было у него?

— Копия.

— О маске знал?

— Нет. Но составлял перечень подарков и видел номера ящиков.

Чэнь записал имя и сообщил, что дворцовый поиск иностранца требует разрешения Цзиня.

— Получай, — сказал Глеб. — Мы начнём со списка свидетелей.

Роцин схватил его за рукав. Печать порога натянулась и заставила посланника остановиться.

— Найди виновного. Не оправдание для меня, а человека. Иначе они объявят нашу смерть доказательством своей правоты.

— Для этого и пришёл.

— Ты пришёл, потому что Ли осталась у тела.

— И поэтому тоже.

Роцин отпустил рукав и вернулся к окну.

В следственной комнате их ждал список. Чэнь снял архивную печать и развернул свиток на столе. Возле каждого имени стояли место службы и время допуска в зал.

Половину строк перечеркнули до начала приёма: поверх красных чернил лежала поздняя отметка о прибытии русских даров.

— Почему вычеркнуты? — спросил Глеб.

Чэнь прочёл несколько помет.

— Умер, переведён, отстранён по болезни.

— Все в один день?

— Записи действительны.

Ли провела пальцем над первой группой имён и указала на место службы:

— Здесь люди кухни.

Ниже были вычеркнуты два служителя зеркального коридора. Ещё дальше исчезли воспитатель и караульный детского двора.

— Их убрали не по службе, — сказал Савва. — Их убрали по месту.

Чэнь нахмурился, но спорить не стал.

— Архив не подтверждает связь между строками. Я могу записать только совпадение.

— Пиши совпадение. Оно пока живое.

Первым значился чашник Фан Жуи. По отметке он умер за час до приёма, а тело до заката передали семье.

— Быстро передали, — сказал Глеб.

— При отсутствии подозрения двор не удерживает умерших служителей, — объяснил Чэнь.

— Кто подтвердил смерть?

— Лекарь внутренней кухни и старший чашник.

— Старший чашник в списке?

Чэнь нашёл имя. Его тоже перечеркнули: старшего чашника перевели в южный двор за два часа до смерти Фан Жуя.

Глеб свернул край свитка и решил начать с кухни.

— Сначала тело наследника, — сказала Ли. — Я должна проверить аварийный знак до омовения.

Он согласился. Она приняла его порядок действий, но не отказалась от своей части дела. Так было вернее.

Стражник открыл дверь во двор. Чэнь задержался ради кухонного пропуска, а Глеб смотрел на смену караула.

Мимо навеса прошёл служитель с корзиной чаш. На нём был серый кухонный халат, а на шее висела дощечка без имени. Мужчина заметил группу, отвернулся и пошёл быстрее.

Глеб развернул список. Возле имени Фан Жуя был сделан небольшой рисунок: шрам через левую бровь, чтобы различать служителей с одинаковыми именами. У мужчины с корзиной такой шрам был.

— Чэнь, — позвал Глеб. — Как выглядит мёртвый чаш-

ник?

Архивист посмотрел на рисунок, затем на человека во дворе. Корзина выпала из рук служителя. Чаши разбились, а он бросился к проходу между караульными башнями.

По дворцовому списку Фан Жуй умер за час до приёма. Убегающий мертвец был достаточно жив, чтобы не желать разговора.

Глава 10. Правдивый допрос

Фан Жуй добежал до прохода между башнями, когда медная решётка уже опускалась на утреннюю проверку. Чашник схватил жердь для фонарей и попытался приподнять край. Ткань халата зацепилась за зуб, лопнула, но он успел пролезть на другую сторону.

Глеб пошёл следом. Стражник у башни крикнул:

— Остановись!

Ошейник сразу сжал ему горло. Глеб замер в трёх шагах от решётки.

— Очень вовремя, — прохрипел он.

Ли обошла его. Стражник поднял копьё.

— Отмените приказ. Он участвует в дознании.

Чэнь Цзыцзин показал архивную дощечку. Стражник разрешил Глебу двигаться, но Фан Жуй уже поднялся. Впереди его ждала Боро. Она наступила на жердь и не дала чашнику замахнуться.

— Этой дорогой нельзя, — сказала она.

Фан Жуй отпустил дерево. На шее у него висела служебная дощечка без имени.

— Фан Жуй умер вчера до приёма, — сказал Чэнь.

— Тогда вы задержали другого человека.

— Назови себя.

— Служитель третьего кухонного двора.

— Имя.

— Для работы мне достаточно службы.

Когда чашник ответил, Ли заметила тёмный знак под его языком. Печать не запрещала говорить. Она выбирала слова, за которые человек платил дыханием.

— Допросим его в Зале ясных слов, — сказала Ли.

Фан Жуи побледнел. Его взгляд метнулся к выходу.

— Я не допущен туда.

— Вчера твоё имя было в списке приёма.

— Тот человек умер.

— Тогда живому нечего бояться его ответов, — сказал Глеб.

Зал находился за двумя внутренними дворами. Фан Жуя вели без верёвки: его дощечку вставили в переносную раму, и он не мог отойти дальше трёх шагов.

Ли шла рядом. Глеб держался с другой стороны. Стража уже поняла, что ошейник ловит только прямые приказы, и старалась говорить о нём в третьем лице.

— Обвиняемому следует идти ближе к стене, — произнёс караульный.

Глеб остался посередине. Стражник нахмурился.

— Он понял? — спросил стражник Савву.

— Понял. Но вы не приказали.

— Пусть идёт ближе к стене.

Ошейник снова не отозвался: приказ был обращён к Савве. Глеб усмехнулся.

— Дворец учит точности даже охрану.

— Медленно учит, — сказал Савва. — Зато на живых людях.

В Зале ясных слов стоял каменный стол. Над ним висел медный круг с четырьмя гнёздами. Чэнь вставил в них служебную дощечку чашника, знак дознания и имя Ли. Последнее место занял сам, чтобы видеть ответы лично.

Фан Жуй положил ладони на стол. Служитель принёс чашу с водой.

— Назови имя, под которым будешь отвечать.

— Служитель третьего кухонного двора, подающий питьё к Нефритовой ширме.

Медный круг принял фразу. По воде прошёл серый обод.

Чэнь велел чашнику положить большой палец на край чаши. Вода поднялась по коже и замкнула служебное имя с дощечкой. Если Фан Жуй солжёт в пределах принятой роли, круг удержит воздух в его груди до исправления ответа.

— Он и без этого едва дышит, — сказал Глеб.

— Ритуал не наказывает за молчание, — ответил Чэнь.

— Все ваши чиновники молчат из любви к закону.

Фан Жуй коротко усмехнулся. Это была первая человеческая реакция с момента погони. Ли заметила её и решила не давить вопросами о вине. Испуганный свидетель мог сохранить путь кубка, а признание требовалось дворцу, не расследованию.

— Назови личное имя, — потребовал Чэнь.

Печать под языком сжалась. Фан Жуй закашлялся и схватился за горло.

— Хватит, — сказала Ли. — Ритуал принял служебное имя. В его пределах и спросим.

— Без личного имени нельзя подтвердить, что перед нами Фан Жуй.

— Зато можно подтвердить действия чашника.

Глеб посмотрел на неё. Совет был верным.

— Спрашивай о вещах. Люди здесь прячутся в словах.

Ли положила на стол рисунок кубка наследника. На рисунке был отмечен скол у ножи.

— Сколько таких кубков ты получил перед приёмом?

— Два.

Вода осталась прозрачной. Ритуал принял ответ.

— В перечне указан один, — сказал Чэнь.

— Я не составлял перечень.

Ли не дала Чэню развить спор.

— Первый кубок ты отнёс к месту наследника?

— Да.

— Что сделал со вторым?

— Передал дальше.

— Кому?

Тёмный знак шевельнулся, но не затянул горло. Фан Жуй удержал дыхание.

— Тому, кто принял.

Ли взяла две пустые чаши и поставила перед ним. Одну

придвинула к его правой руке.

— Покажи действия. Людей не называй.

Фан Жуй перенёс первую чашу к правому краю стола и поставил на красный круг. Вторую прижал к груди, сделал шесть шагов к боковой двери и протянул воображаемому человеку.

— Там был выход из зала? — спросила Ли.

— Там был проход.

— Куда он вёл?

— За ширму.

Чэнь перестал писать. Кисть застыла над дощечкой.

— За Нефритовую ширму допускается только наследник и личная служба.

— Я отвечаю о проходе, а не о допуске.

Вода не изменилась. Ритуал подтвердил ответ.

Фан Жуй вернулся к красному кругу и сложил руки перед собой. Пальцы дрожали.

— Ты видел, куда понесли второй кубок?

— Нет.

— Слышал, что происходило за ширмой?

— Слышал дыхание.

— Одного человека?

Чашник закрыл глаза. Он вспоминал.

— Я слышал два сердечных ритма.

Медный круг звякнул. Вода осталась светлой.

Чэнь перечитал запись и нахмурился. Потом поднял гла-

за.

— Внутренний помост должен отвечать одному носителю права.

— В обычный день, — сказала Ли.

— У наследника нет признанного брата.

— Я не говорила о брате.

Глеб положил ладонь на стол, не касаясь чаш. Ошейник молчал.

— Если второе сердце признала печать, оно могло принадлежать не человеку?

— Могло принадлежать телу, в которое заранее перенесли право, — ответила Ли. — Но одного ритуала мало. Нужен след крови наследника или решение, принятое от его имени.

Фан Жуй поднял голову. Лицо у него побелело.

— Второй ритм был медленнее. Он иногда пропускал удар.

— Больной человек? — спросил Савва.

— Или человек под лекарством, — сказала Ли.

Эта разница могла решить всё. Живой двойник, усыплённое тело или сосуд, который только имитировал присутствие наследника, требовали разных следов. Но зал уже подтвердил главное: за ширмой было два признанных ритма.

— Через ширму? — спросил Савва.

— Я служил при больном наследнике четыре года. Нефрит передаёт удар, если чашу поставить на край помоста. В одной чаше билось сердце его высочества. За ширмой отве-

чало второе.

— Ритмы шли одновременно? — спросил Глеб.

— Да.

— Одинаково?

Фан Жуй задумался. На этот раз он не искал лазейку.

— Один был слабее. Но оба открывали внутреннюю печать.

Ли почувствовала холод под рёбрами. Печать ширмы признавала не лицо. Она отвечала на статус наследника, закреплённый в крови или в признанном сосуде. За ширмой находился второй носитель такого права либо тело, которому его дали заранее.

— Второй кубок касался помоста до начала приёма? — спросила она.

— Да.

— Кто велел приготовить его?

Знак на языке Фан Жуя стянулся. Он втянул воздух, но выдохнуть не смог. Пальцы впились в край стола.

— Не отвечай. Вопрос отозван, — сказала Ли.

Медный круг продолжал гудеть. Ритуал уже принял обращение и ждал ответа.

Ли приложила нефритовую пластину к служебной дощечке. Связь шла не к приказу о кубке, а к словам о помещении, где его готовили.

— Вопрос выходит за пределы принятого имени, — сказала она для ритуала.

Серый обод потемнел, но круг не отпустил чашника. Гул усилился.

— Что нужно? — спросил Глеб.

— Снять обязанность отвечать.

— Цена?

— Рука снова онемает.

— Спроси его.

Ли посмотрела Фан Жую в глаза. Он едва держался на ногах.

— Я могу отделить вопрос от твоего служебного имени. Ты потеряешь защиту правды по этому ответу. Согласен?

Он моргнул один раз. Этого хватило.

Ли провела ногтем по линии на дощечке. Кровь выступила на большом пальце. Она приложила её к слову «приказ» и разорвала связь.

Гул прекратился. Фан Жуй согнулся над столом и вдохнул. Савва поддерживал его за плечо, пока кашель не ослаб.

Правая ладонь Ли похолодела. Безымянный палец перестал сгибаться, средний слушался с задержкой. Глеб увидел это и подвинул к ней пластину, чтобы она взяла её левой рукой.

— Допрос закончен, — сказала Ли.

— Мы не установили, кто отдал приказ, — возразил Чэнь.

— Зато установили предел принуждения. Следующий прямой вопрос его убьёт.

— До казни осталось меньше трёх дней.

— Мёртвый чашник не покажет путь кубка.

— Архив сохранит последние слова.

— Архив уже сохранил его смерть.

Чэнь опустил кисть. Спорить было нечем.

Глеб подошёл к Фан Жую. Чашник отступил к столу.

— Можешь ответить без ритуала?

— На часть вопросов.

— Откуда взяли второй кубок?

— Из комнаты, которую мне запрещено называть.

— Она рядом с залом?

— Я шёл недолго.

— Там были дети?

Фан Жуй отшатнулся: печать сдавила его сильнее прежнего. Губы посинели, дыхание оборвалось.

Ли схватила его за подбородок и прижала пластину к шее. Знак сразу проступил на нефрите.

— Вопрос отменён. Мы не спрашиваем о детях.

Когда печать ослабла, чашник опустился на колени, и Савва проверил пульс.

— Жив. Ещё один такой вопрос — перестанет.

Глеб сжал челюсть, но отступил. Спорить не стал.

— Больше не спрашиваем.

Ли встретила его взгляд. Он принял её решение, хотя время уходило.

— Переведите Фан Жую под защиту, — сказала она Чэню.

— Без людей кухни.

— В порядке нет помещения для официально умершего служителя.

— Напишите: живой мужчина, похожий на умершего чашника, — предложил Глеб.

— Это звучит непрофессионально.

— Зато дышит.

Фан Жюа записали неопознанным свидетелем и увели под охраной Саввы. Ли потребовала показать оба кубка. Первый хранился среди вещей из Нефритового зала. Второго в протоколе не было.

— Он должен быть за ширмой или уничтожен, — сказал Чэнь.

— Начнём с бокового прохода, — ответила Ли.

В Нефритовый зал их допустили после полудня. Место падения наследника оставалось под печатью. Боковую дверь за ширмой закрывала серебряная лента.

— Проход опечатан Цзинь Хуаем, — сказал Чэнь.

— Нам разрешено осматривать зал, — напомнил Глеб.

— Осмотр не даёт права входа в закрытые помещения.

Ошейник не отозвался: архивист объяснял правило. Глеб остался на месте.

Ли присела возле нижней петли. На камне остался круг от чаши. Боро вытащила из щели короткую красную нить.

— Внутри двигали ткань.

— Запросите доступ, — сказала Ли. — Пока проверим кладовую.

В кладовой служитель уверял, что посуда пересчитана. Глеб снял крышку с корзины для битого нефрита. На дне лежал целый кубок.

— Странно вы считаете целое, — сказал он.

Служитель побледнел. Руки у него задрожали.

— Его велели выбросить после приёма.

— Кто?

— Приказ пришёл через старшего хранителя. Дощечка была действительной.

Ли вынула кубок левой рукой. Он полностью совпадал с чашей наследника, а на внутреннем крае сохранился след настоя.

Она положила его на нефритовую пластину. Камень ответил двумя линиями. Одна появилась вчера, когда чашу несли за ширму. Вторая была старше.

— Здесь отпечаток признанной крови, — сказала Ли.

— Служителя? — спросил Чэнь.

— Наследника.

— Он мог пользоваться кубком раньше.

— Эта пара числилась новой.

Ли прогрела край ладонью. Старый след проступил яснее: большой палец был прижат у основания, указательный лежал на внешней стенке. Так человек держал пустую чашу, проверяя её вес.

Савва вернулся после передачи Фан Жуя и сверил след с отпечатком на дворцовой дощечке Юй Жэньсю.

— Совпадает.

— Когда он сделан? — спросил Глеб.

Ли провела пластиной над ободом. Нефрит удерживал возраст прикосновения по слоям дворцовой пыли.

— За четыре или пять дней до приёма.

Чэнь долго смотрел на кубок. Потом медленно кивнул.

— Наследник заранее держал чашу, которую потом тайно внесли за ширму.

— И знал о втором месте, — сказала Ли.

За закрытой дверью билось ещё одно сердце, которое печать считала сердцем наследника. Второй кубок подготовили заранее, а Юй Жэньсю сам оставил на нём отпечаток за несколько дней до собственной смерти.

Глава 11. След слуги

Второй кубок лежал в коробке у Чэнь Цзыцзина, но путь до Нефритовой ширмы предстояло искать без него. После допроса Фан Жуя дворцовая стража перекрыла боковой проход, а Цзинь Хуай ещё не дал разрешения снять серебряную ленту.

Глеб вернулся в кухонный двор и посмотрел на каменные плиты. По ним прошли сотни ног, однако пол сохранял то, что прислуга не успела убрать. У стены застыл кусок красного воска. Возле печи тянулась полоса угольной пыли, пересечённая узким следом колеса.

— Кубок не катался сам, — сказал Савва.

— Здесь и люди редко ходят сами, — ответил Глеб.

Чэнь раскрыл дощечку.

— Разрешённый маршрут шёл через северную галерею. Восточный коридор обслуживал детский двор.

Глеб присел и коснулся воска ногтем. Крошка была красной с одной стороны и серой с другой. Серый налёт указывал на угольный двор.

— Значит, ящик сначала был у угля, потом попал сюда.

— В перечне нет ящика, — сказал Чэнь.

— В перечне и мёртвый чашник мёртв.

Архивист записал замечание, хотя лицо у него стало недобрым.

Ли Шэньюэ осмотрела пол возле двери. Правая рука двигалась лучше, но пластину она по-прежнему держала левой.

— Колесо маленькое. Тележка для подносов.

Боро провела пальцем по царапине на косяке.

— Везли быстро. Ударили углом и не остановились.

Глеб проследил линию. Она уходила под деревянную перегородку, которой на плане не было. Перегородку поставили утром. Свежие штыри ещё не потемнели.

— Вчера проход был здесь, — сказал он.

Старшая кухонная служительница поклонилась Чэню.

— Перегородки меняют каждый день по расписанию служб.

— Где расписание за вчера?

Женщина посмотрела на архивиста.

— Его забрали после смерти наследника.

Чэнь подтвердил:

— Все схемы движения переданы внутренней страже.

— Значит, ищем без схемы.

Он попросил убрать перегородку. Чэнь отказался: маршрут дознания не включал восточный проход.

— Я обязан сообщить об отклонении и дождаться разрешения.

— До казни меньше трёх дней.

Боро уже вынула первый штырь. Глеб взялся за край вместе с ней. Перегородка скрипнула и отошла от пола, открыв проход шириной в одну тележку.

— Запишите нарушение, — сказал он Чэню. — Стену прибили плохо.

Коридор быстро сузился. В стенах были ниши для корзин, а под потолком шёл дымовой жёлоб. Угольная полоса продолжалась до поворота. Потом след колеса исчез.

Глеб остановился.

— Здесь тележку подняли.

Боро присела и нашла две вмятины на деревянном пороге. Люди взяли её с обеих сторон и перенесли через участок пола, который не должен был сохранить путь.

— Почему не прокатили? — спросил Чэнь.

Ли приложила нефритовую пластину к полу. На камне проступили вчерашние шаги, но следа колеса не было.

— В конце смены плита передаёт маршрут в архив. Тележку подняли и понесли по уже принятой дорожке, чтобы не открыть новое направление.

Чэнь отметил отсутствие колёсного следа.

За следующим поворотом они нашли мальчика с подносом. Он стоял у стены и ждал, пока старший служитель разрешит пройти. На вид ему было десять лет. На подносе остывала рисовая каша.

Увидев Чэня, мальчик опустился на колени.

— Имя? — спросил архивист.

— Минь, подносчик западной кухни.

— Ты работал вчера вечером?

— Да.

— Видел тележку с закрытым ящиком?

Мальчик ответил сразу:

— Вёз её к комнате старых фонарей.

Чэнь раскрыл план.

— Такой комнаты нет.

— Есть. За третьей нишей, где пахнет сливовым маслом.

— В этом крыле не хранят масло, — сказала старшая служительница. — И третья ниша глухая.

Минь поднял голову. Он не выглядел лжецом. Страх был настоящим, но ответ он вспоминал без усилия.

— Покажи дорогу, — сказал Глеб.

Мальчик встал и повернул к узкому проходу. Ошейник на Глебе не отозвался: прямого запрета не было. Чэнь пошёл следом, уже записывая отклонение.

Минь уверенно миновал две двери, свернул у водяного бака и остановился перед стеной.

— Здесь.

Перед ним был кирпич. Ни двери, ни старого проёма. Стена стояла давно, швы почернели от кухонного дыма.

— Где ручка? — спросил Глеб.

Мальчик провёл ладонью по кирпичам.

— Была здесь.

— Вчера?

— Да.

— Ты входил?

— Я ждал снаружи.

— Что слышал?

— Колёса. Потом мужчина сказал, что второй поднос нужен наследнику.

Чэнь подошёл к стене и постучал. За кирпичом находился заполненный грунтом простенок.

— Коридора здесь не было.

Минь начал дышать чаще.

— Я помню.

— Это пока единственное, что у тебя есть, — сказал Глеб.

— Не торопись отдавать.

Ли посмотрела на него. Он не стал задавать следующий вопрос и кивнул ей.

— Решай ты.

Она поставила нефритовую пластину перед мальчиком, но не касалась его головы.

— Минь, вспомни запах возле комнаты.

— Сливанное масло.

— Ты раньше чувствовал его?

— Да.

— Где?

Мальчик нахмурился.

— Не знаю.

— Оно было сладким или горьким?

— Пахло... как положено.

Глеб присел рядом, чтобы не смотреть сверху.

— Сколько шагов от водяного бака до двери?

— Двадцать.

— Ты прошёл двенадцать.

Минь повернулся к баку, пересчитал расстояние глазами и снова посмотрел на стену.

— Я сделал двадцать.

— На какой ноге хромал человек с тележкой?

— На правой.

— Следы у порога глубже слева, — сказала Боро.

Мальчик сжал край подноса. Каша выплеснулась на пол.

— Я не лгу.

— Знаю, — сказал Глеб. — Поэтому и спрашиваю.

Ли провела пластиной возле его виска. На нефрите появилась прямая линия служебного допуска. Она начиналась не от личной памяти мальчика, а от дощечки на его поясе.

— Сними жетон, — сказала она.

Минь попытался развязать шнур, но узел затянулся. Савва перерезал его ножом.

Как только дощечка отделилась, мальчик качнулся. Ли поддержала его за плечо.

— Где ты был вчера вечером?

— Нёс кашу в западный двор.

— Видел тележку?

Минь закрыл глаза.

— Нет. Я спал возле печи после второй смены.

Чэнь поднял дощечку. На обороте был свежий слой воска, а под ним скрывался другой служебный знак.

— Его назначили свидетелем пути, — сказала Ли.

— Должность не может создать воспоминание, — возразил Чэнь.

— Может, если запись связывает действие с памятью службы.

Глеб посмотрел на неё.

— Клан Ли умел так делать?

Она ответила без паузы:

— Да. Для караулов и людей, которые должны были помнить один маршрут вместо другого. Я не училась накладывать такую запись, но видела её действие.

— Снять можешь?

— Полностью — нет. Могу отделить служебную память от личной, но часть вчерашнего дня останется пустой.

Минь слушал и понимал достаточно.

— Я забуду работу?

— Нет. Только то, что вложили вместе с дощечкой. Возможно, ещё несколько часов рядом.

— Меня накажут, если я не покажу комнату.

— Комнаты нет, — сказал Глеб.

— Тогда накажут за ложь.

Чэнь покачал головой.

— После официального осмотра наказание можно приостановить.

— Можно? — переспросил Савва. — Великодушие уже близко.

Ли не обратила внимания.

— Минь, я могу снять чужой маршрут. Решение твоё.

Мальчик посмотрел на глухую стену.

— Снимайте.

Ли положила дощечку на нефрит и провела ногтем по воску. Память сработала сразу. Минь поднял руку и указал на кирпичи.

— За дверью...

Слова оборвались. Его взгляд потерял направление. Он моргнул, опустил руку и прижал ладонь ко лбу.

Воск на дощечке треснул. Под ним проступила короткая запись: «провёл второй сосуд к принятому пути».

Ли отняла пластину. Два пальца правой руки снова дрогнули, но на этот раз движение сохранилось.

— Что помнишь? — спросил Глеб.

— Я нёс кашу. Потом меня позвал старший. Дальше утро.

— Старшего знаешь?

— Лица нет. Только белая пряжка на поясе.

Чэнь записал признание Ли и результат снятия.

— Мальчика нужно передать внутренней страже, — сказал Чэнь.

— Сначала его осмотрит Савва.

— Это нарушит порядок и даст основание обвинить вас в сокрытии свидетеля.

Глеб посмотрел на Миня. Поднос дрожал в его руках.

— Савва, забирай его в лекарскую комнату. Боро останет-

ся у двери.

— Чэнь прав, — сказала Ли. — Это даст им основание обвинить тебя.

— Уже дали ошейник и плаху. Одним основанием больше.

Она не спорила. Лишь обратилась к Чэню:

— Запишите, что решение принял Глеб после обнаружения чужой памяти, а я поддержала медицинский осмотр.

— Ты не обязана, — сказал он.

— Мы договаривались делить риск.

Савва повёл Миня обратно к кухне, а Боро ушла с ними.

Чэнь отправил служителя с сообщением Цзиню.

Глеб вернулся к стене.

— Память указала неверное место, но сохранила двадцать шагов и запах масла.

Старшая служительница побледнела.

— Возле угольного двора есть склад старых фонарей.

Она провела их через кухонный проход. Дорога заняла меньше минуты. Возле угольного двора стоял такой же водяной бак. От него до третьей ниши было двадцать шагов.

На стене висела дверь с железной ручкой.

— Память настоящая, место чужое, — сказал Глеб.

— Ему вложили верный путь и привязали к безопасной стене, — ответила Ли.

Чэнь проверил план.

— Эта дверь ведёт в склад фонарей. Он закрыт с начала

весны.

Замок оказался опечатан, но печать держалась только на воске. Гвоздь под ней был вынут и вставлен обратно. Глеб потянул за скобу. Дверь открылась вместе с целым знаком.

Внутри пахло маслом и углём. На полу шёл знакомый след маленьких колёс. Он упирался в пустую стойку, где ещё виднелся прямоугольник от ящика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.